

A detailed illustration of Robinson Crusoe standing on a sandy beach. He is wearing a brown fur tunic, a tall pointed hat, and yellow boots. He holds a long rifle in his right hand and has a yellow sash across his chest. To his left, a yellow parrot stands on the sand. In the background, there is a body of water with waves and a palm tree on the left. A yellow bird is flying in the sky above the water. The foreground is filled with various tropical plants, including large green leaves, red flowers, and white flowers.

Даниель Дефо

Робинзон Крузо

Даниэль Дефо

**Робинзон Крузо.
Дальнейшие приключения
Робинзона Крузо (сборник)**

Издательство «РИМИС»

Дефо Д.

Робинзон Крузо. Дальнейшие приключения Робинзона Крузо
(сборник) / Д. Дефо — Издательство «РИМИС»,

ISBN 978-5-9650-0080-7

Робинзон Крузо, главный герой романа Даниеля Дефо, волею судьбы заброшен на необитаемый остров. Ему предстоит пройти через многие трудности на отрезанном от мира куске суши, не потерять рассудок от одиночества и пережить невероятные и захватывающие приключения. Дух авантюриста и тяга к приключениям не дают герою вдоволь насладиться спокойствием и домашним уютом даже после чудесного спасения. Они заставляют его вновь и вновь окунаться в водоворот невероятных событий. Во второй части книги герою предстоит отправиться в путешествие в далекую и загадочную страну – РОССИЮ.

ISBN 978-5-9650-0080-7

© Дефо Д.
© Издательство «РИМИС»

Содержание

Робинзон Крузо	6
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Даниэль Дефо
Робинзон Крузо. Дальнейшие
приключения Робинзона Крузо

©Издательство «РИМИС», издание, оформление, 2010

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Робинзон Крузо

Я родился в 1632 году в городе Йорке в почтенной семье, хотя и не коренного происхождения: мой отец приехал из Бремена и поначалу обосновался в Гулле. Нажив торговлей хорошее состояние, он оставил дела и переселился в Йорк. Здесь он женился на моей матери, которая принадлежала к старинному роду, носившему фамилию Робинзон. Мне дали имя Робинзон, отцовскую же фамилию Крейцнер англичане, по обычаю своему коверкать иностранные слова, переделали в Крузо. Со временем мы и сами стали называть себя и подписываться Крузо; так же всегда звали меня и мои знакомые.

У меня было два старших брата. Один служил во Фландрии, в английском пехотном полку, том самом, которым когда-то командовал знаменитый полковник Локхарт; брат дослужился до чина подполковника и был убит в сражении с испанцами под Дюнкерком. Что случилось со вторым моим братом – не знаю, как не знали отец и мать, что случилось со мной.

Так как в семье я был третьим сыном, то меня не собирались пускать по торговой части, и голова моя с юных лет была набита всякими бреднями. Отец мой, находясь уже в преклонном возрасте, позаботился, чтобы я получил вполне сносное образование в той мере, в какой его могли дать домашнее воспитание и бесплатная городская школа. Он прочил меня в юристы, но я мечтал о морских путешествиях и слышать не хотел ни о чем другом. Эта страсть моя к морю оказалась столь сильна, что я пошел против воли отца – более того, против его запретов – и пренебрег уговорами и мольбами матери и друзей; казалось, было что-то роковое в этом природном влечении, толкавшем меня к злоключениям, которые выпали мне на долю.

Отец мой, человек степенный и умный, догадываясь о моих намерениях, предостерег меня серьезно и основательно. Прикованный подагрой к постели, он позвал меня однажды утром в свою комнату и с жаром принялся увещевать. Какие другие причины, спросил он, кроме склонности к бродяжничеству, могут быть у меня для того, чтобы покинуть отчий дом и родную страну, где я могу прилежанием и трудом увеличить свой достаток и жить в довольстве и с приятностью? Отчизну покидают в погоне за приключениями, сказал он, либо те, кому нечего терять, либо честолюбцы, жаждущие достичь еще большего; одни пускаются в предприятия, выходящие из рамок обыденной жизни, ради наживы, другие – ради славы; но подобные цели для меня или недоступны, или недостойны; мой удел – середина, то есть то, что можно назвать высшею ступенью скромного существования, а оно, как он убедился на многолетнем опыте, лучше всякого другого на свете и более всего для счастья приспособлено, ибо человека не гнетут нужда и лишения, тяжкий труд и страдания, выпадающие на долю низших классов, и не сбивают с толку роскошь, честолюбие, чванство и зависть высших классов. Насколько приятна такая жизнь, сказал он, можно судить хотя бы по тому, что все остальные ей завидуют: ведь и короли нередко жалуются на горькую участь людей, рожденных для великих дел, и сетуют, что судьба не поставила их между двумя крайностями – ничтожеством и величием, и даже мудрец, который молил небо не посылать ему ни бедности, ни богатства, тем самым свидетельствовал, что золотая середина есть пример истинного счастья.

Стоит только понаблюдать, уверял меня отец, и я пойму, что все жизненные невзгоды распределены между высшими и низшими классами и что реже всего их терпят люди умеренного достатка, не подверженные стольким превратностям судьбы, как высшие и низшие круги человеческого общества; даже от недугов, телесных и душевных, они защищены больше, чем те, у кого болезни порождаются либо пороками, роскошью и всякого рода излишествами, либо изнурительным трудом, нуждой, скудной и дурной пищей, и все их недуги не что иное, как естественные последствия образа жизни. Среднее положение в обществе наиболее благоприятствует расцвету всех добродетелей и всех радостей бытия: мир и довольство – слуги его; умеренность, воздержанность, здоровье, спокойствие духа, общительность, всевозможные приятные развлечения, всевозможные удовольствия – его благословенные спутники. Человек среднего достатка проходит свой жизненный путь тихо и безмятежно, не обременяя себя ни

физическим, ни умственным непосильным трудом, не продаваясь в рабство из-за куска хлеба, не мучаясь поисками выхода из запутанных положений, которые лишают тело сна, а душу — покоя, не страдая от зависти, не сгорая втайне огнем честолюбия. Привольно и легко скользит он по жизни, разумным образом вкушая сладости бытия, не оставляющие горького осадка, чувствуя, что он счастлив, и с каждым днем постигая это все яснее и глубже.

Затем отец настойчиво и чрезвычайно ласково стал упрашивать меня не ребячиться, не бросаться очертя голову навстречу бедствиям, от которых сама природа и условия жизни, казалось, должны меня оградить. Ведь я не поставлен в необходимость работать из-за куска хлеба, а он приложит все старания, чтобы вывести меня на ту дорогу, которую советует мне избрать; если же я окажусь неудачником или несчастным, то мне придется пенять лишь на злой рок или на собственные оплошности, так как он предостерег меня от шага, который не принесет мне ничего, кроме вреда, и, исполнив таким образом свой долг, слагает с себя всякую ответственность; словом, если я останусь дома и устрою свою жизнь согласно его указаниям, он будет мне заботливым отцом, но ни в коем случае не станет способствовать моей гибели, поощряя к отъезду. В заключение он привел в пример моего старшего брата, которого он так же настойчиво убеждал не принимать участия в нидерландской войне, но все уговоры оказались напрасными: юношеские мечтания заставили моего брата бежать в армию, и он погиб.

И хотя, закончил отец, он никогда не перестанет молиться обо мне, но берется утверждать, что, если я не откажусь от своих безумных намерений, на мне не будет благословения Божия. Придет время, когда я пожалею, что пренебрег его советом, но тогда, может статься, некому будет прийти мне на выручку.

Я видел, как в конце этой речи (она была поистине пророческой, хотя, я думаю, отец мой и сам этого не подозревал) обильные слезы заструились по лицу старика, особенно когда он заговорил о моем убитом брате; а когда батюшка сказал, что придет время раскаяния, но помочь мне уже будет некому, то от волнения голос его дрогнул, и он прошептал, что сердце его разрывается и он не может больше вымолвить ни слова.

Я был искренне растроган этой речью (да и кого бы она не тронула?) и твердо решил не думать более об отъезде в чужие края, а остаться на родине, как того желал мой отец. Но увы! Через несколько дней от моей решимости не осталось и следа: короче говоря, через несколько недель после моего разговора с отцом я во избежание новых отцовских увещаний решил бежать из дому тайком. Я сдержал пыл своего нетерпения и действовал не спеша: выбрав время, когда моя мать, как мне показалось, была в более добром расположении духа, чем обычно, я отвел ее в уголок и признался, что все мои помыслы подчинены желанию повидать далекие края, и что, если даже я и займусь каким-либо делом, у меня все равно не хватит терпения довести его до конца, и что пусть лучше отец отпустит меня добровольно, иначе я буду вынужден обойтись без его разрешения. Мне уже восемнадцать лет, сказал я, а в эти годы поздно учиться ремеслу, и если бы даже я поступил писцом к стряпчему, то знаю наперед – я убежал бы от своего патрона, не дотянув до конца обучения, и ушел в море. Но если бы матушка уговорила отца хоть единожды отпустить меня в морское путешествие; ежели жизнь в море придется мне не по душе, я вернусь домой и не уеду более; и я могу дать слово, что удвоенным прилежанием наверстаю потерянное время.

Мои слова сильно разволновали матушку. Она сказала, что заговаривать с отцом об этом бесполезно, ибо он слишком хорошо понимает, в чем моя польза, и никогда не даст согласия на то, что послужит мне во вред. Она просто изумлена, что я еще могу думать о подобных вещах после моего разговора с отцом, который убеждал меня так мягко и с такой добротой. Конечно, если я твердо решил себя погубить, тут уже ничего не поделаешь, но я могу быть уверен, что ни она, ни отец никогда не согласятся на мою затею; сама же она нисколько не желает содействовать моей гибели, и я никогда не буду вправе сказать, что моя мать потакала мне, в то время как отец был против.

Впоследствии я узнал, что хотя матушка и отказалась ходатайствовать за меня перед отцом, однако передала ему наш разговор от слова до слова. Очень озабоченный таким оборотом дела, отец сказал ей со вздохом: «Мальчик мог бы жить счастливо, оставшись на родине, но если он пустится в чужие края, он станет самым жалким, самым несчастным существом на свете. Нет, я не могу на это согласиться».

Прошел без малого год, прежде чем мне удалось вырваться на волю. В течение этого времени я упорно оставался глух ко всем предложениям заняться делом и часто пререкался с отцом и матерью, которые решительно противились тому, к чему меня столь сильно влекло. Однажды, когда я находился в Гулле, куда я попал случайно, без всякой мысли о побеге, один мой приятель, отправлявшийся в Лондон на корабле своего отца, стал уговаривать меня ехать с ним, соблазняя, как это водится у моряков, тем, что мне ничего не будет стоить проезд. И вот, не спросившись ни у отца, ни у матери, не уведомив их ни словом и предоставив им узнать об этом как придется, не испросив ни родительского, ни Божьего благословения, не принимая в расчет ни обстоятельств, ни последствий, в недобрый – видит Бог! – час, 1 сентября 1651 года, я взошел на борт корабля, отправлявшегося в Лондон. Надо полагать, никогда несчастья и беды молодых искателей приключений не начинались так рано и не продолжались так долго, как мои. Не успел наш корабль выйти из устья Хамбера, как подул ветер, вздымая огромные,

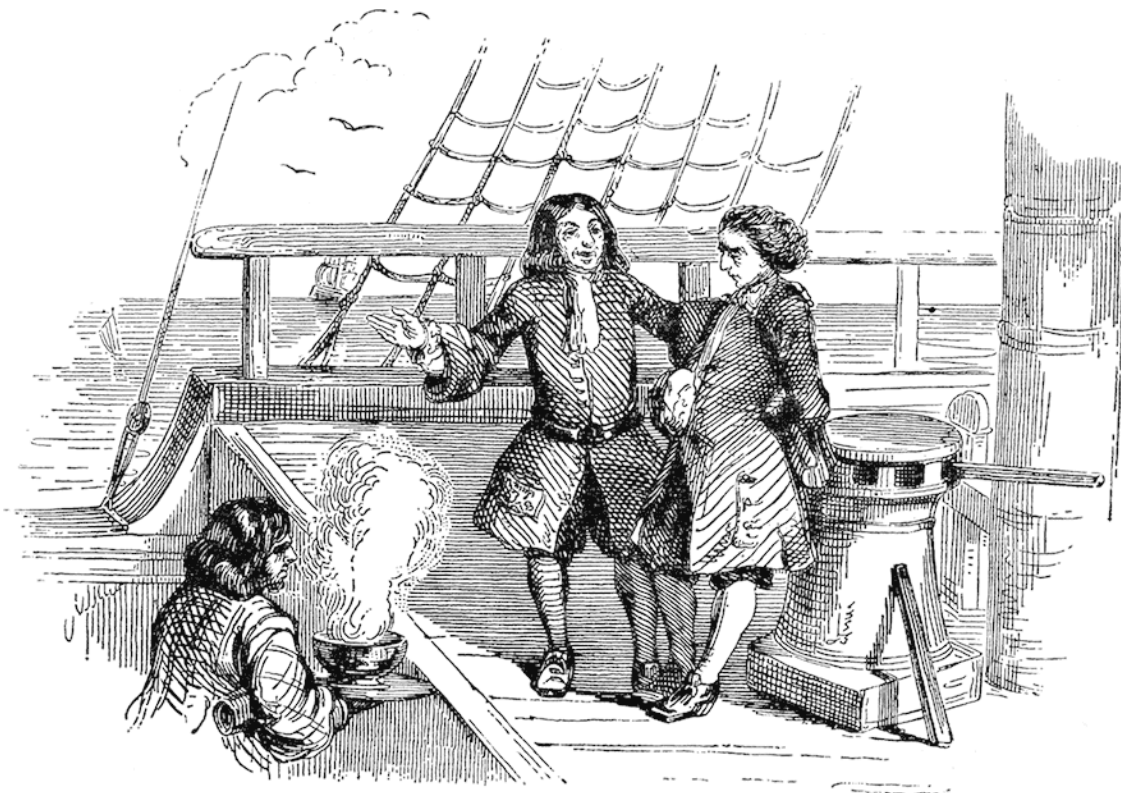
страшные волны. До тех пор я никогда не бывал в море и не могу описать, как худо пришлось моему бедному телу и как содрогалась от страха моя душа. И только тогда я всерьез задумался о том, что я натворил, и о справедливости небесной кары, постигшей меня за то, что я так бессовестно покинул отчий дом и нарушил сыновний долг. Все добрые советы моих родителей, слезы отца и мольбы матери воскресли в моей памяти, и совесть, которая в то время еще не успела окончательно очерстветь, терзала меня за пренебрежение к родительским увещаниям и за нарушение обязанностей перед Богом и отцом.

Между тем ветер крепчал, и на море разыгралась буря, которая, впрочем, не шла в сравнение с теми, что я много раз видел потом, ни даже с той, что мне пришлось увидеть несколько дней спустя. Но и этого было довольно, чтобы ошеломить меня, новичка, ничего не смыслившего в морском деле. Когда накатывалась новая волна, я ожидал, что она нас поглотит, и всякий раз, когда корабль падал вниз, как мне казалось, в пучину или бездну морскую, я был уверен, что он уже больше не поднимется на поверхность. И в этой муке душевной я неоднократно решался и давал себе клятвы, что, если Господу будет угодно сохранить на сей раз мне жизнь, если нога моя снова ступит на твердую землю, я тотчас же вернусь домой к отцу и, покуда жив, не сяду на корабль, что я последую отцовским советам и никогда более не подвергну себя подобной опасности. Теперь я понял всю справедливость рассуждений отца относительно золотой середины; для меня ясно стало, как мирно и приятно прожил он всю жизнь, никогда не подвергая себя бурям на море и невзгодам на суше, – словом, я, как некогда блудный сын, решил вернуться в родительский дом с покаянием.

Эти трезвые и благоразумные мысли не оставляли меня, покуда длилась буря, и даже некоторое время после нее; но на другое утро ветер стал стихать, волнение поулеглось, и я начал понемногу осваиваться с морем. Как бы то ни было, весь этот день я был настроен очень серьезно (тем более что еще не совсем оправился от морской болезни); но перед закатом небо прояснилось, ветер прекратился, и наступил тихий, очаровательный вечер; солнце зашло без туч и такое же ясное встало на другой день, и гладь морская при полном или почти полном безветрии, вся облитая его сиянием, представляла восхитительную картину, какой я никогда еще не видывал.

Ночью я отлично выспался, от моей морской болезни не осталось и следа, я был бодр и весел и любовался морем, которое еще вчера так бушевало и грохотало и в такое короткое время могло затихнуть и явить собою столь привлекательное зрелище. И тут-то, словно для того чтобы изменить мое благоразумное решение, ко мне подошел приятель, сманивший меня ехать с ним, и, хлопнув меня по плечу, сказал: «Ну что, Боб, как ты себя чувствуешь после вчерашнего? Бьюсь об заклад, что ты испугался, – признавайся, ведь испугался вчера, когда задул ветерок?» – «Ветерок? Хорош ветерок! Я и представить себе не мог такой ужасной бури!» – «Бури! Ах ты, чудак! Так, по-твоему, это буря? Что ты! Это сущие пустяки! Дай нам хорошее судно да побольше простору, – мы такого шквалика и не заметим. Ну, да ты еще совсем неопытный моряк, Боб. Пойдем-ка лучше сварим пуншу и забудем об этом. Взгляни, какой чудесный нынче день!» Чтоб сократить эту грустную часть моей повести, скажу, что дальше пошло, как положено у моряков: сварили пунш, я порядком охмелел и потопил в разгуле той ночи все мое раскаяние, все размышления о прошлом моем поведении и все мои благие решения относительно будущего. Словом, как только на море воцарилась тишь, как только вместе с бурей улеглись мои взбудораженные чувства и прошел страх утонуть в морской пучине, так мысли мои повернули в прежнее русло, и все клятвы, все обещания, которые я давал себе в часы страданий, были позабыты. Правда, порой на меня находило просветление, здравые мысли еще пытались, так сказать, воротиться ко мне, но я гнал их прочь, боролся с ними, словно с приступами болезни, и при помощи пьянства и веселой компании скоро восторжествовал над этими припадками, как я их называл: в какие-нибудь пять-шесть дней я одержал столь полную победу над своей совестью, какой только может пожелать себе юнец, решившийся не обращать

на нее внимания. Однако меня ждало еще одно испытание: как всегда в подобных случаях, Провидение пожелало отнять у меня последнее оправдание перед самим собою; в самом деле, если на этот раз я не захотел понять, что всецело обязан ему, то следующее испытание было такого рода, что тут уж и самый последний, самый отпетый негодяй из нашего экипажа не мог бы не признать, что опасность была поистине велика и спаслись мы только чудом.

На шестой день по выходе в море мы пришли на Ярмутский рейд. Ветер после шторма был все время неблагоприятный и слабый, так что после шторма мы двигались еле-еле. Здесь мы были вынуждены бросить якорь и простояли при юго-западном, то есть противном, ветре семь или восемь дней. В течение этого времени на рейд пришло немалое количество судов из Ньюкасла, ибо Ярмутский рейд обычно служит местом стоянки для кораблей, которые дожидаются здесь попутного ветра, чтобы войти в реку.

Впрочем, мы не простояли бы долго и вошли бы в реку с приливом, если бы ветер не был так свеж, а дней через пять не покрепчал еще больше. Однако Ярмутский рейд считается такой же хорошей стоянкой, как и гавань, а якоря и якорные канаты были у нас надежные; поэтому наши люди ничуть не тревожились и даже не помышляли об опасности – по обычаю моряков, они делили свой досуг между отдыхом и развлечениями. Но на восьмой день утром ветер усилился, и пришлось свистать наверх всех матросов, убрать стеньги и плотно закрепить все, что нужно, чтобы судно могло безопасно держаться на рейде. К полудню на море началось большое волнение, корабль стало сильно раскачивать; он несколько раз зачерпнул бортом, и раза два нам показалось, что нас сорвало с якоря. Тогда капитан скомандовал отдать запасной якорь. Таким образом, мы держались на двух якорях против ветра, вытравив канаты до конца.

Тем временем разыгрался жесточайший шторм. Растерянность и страх были теперь даже на лицах матросов. Я несколько раз слышал, как сам капитан, проходя мимо меня из своей каюты, бормотал вполголоса: «Господи, смилуйся над нами, иначе мы погибли, всем нам конец», – что не мешало ему, однако, зорко наблюдать за работами по спасению корабля. Поначалу на всю эту суматоху я взирал в оцепенении, неподвижно лежа в своей каюте рядом со

штурвалом, и даже не знаю хорошенько, что я чувствовал. Мне было трудно вернуть прежнее покаянное настроение после того, как я сам его презрел и ожесточил свою душу; мне казалось, что смертный ужас раз и навсегда миновал и что эта буря пройдет бесследно, как и первая. Но, повторяю, когда сам капитан, проходя мимо, обмолвился о грозящей нам гибели, я неимоверно испугался. Я выбежал из каюты на палубу; никогда в жизни не приходилось мне видеть такой зловещей картины: на море вздымались валы вышиной с гору, и такая гора опрокидывалась на нас каждые три-четыре минуты. Когда, собравшись с духом, я огляделся вокруг, то увидел тяжкие бедствия. На двух тяжело нагруженных судах, стоявших неподалеку от нас на якоре, были обрублены все мачты. Кто-то из наших матросов крикнул, что корабль, стоявший в полумиле от нас впереди, пошел ко дну. Еще два судна сорвало с якорей и унесло в открытое море на произвол судьбы, ибо ни на том, ни на другом не оставалось ни одной мачты. Мелкие суда держались лучше других – им было легче маневрировать; но два или три из них тоже унесло в море, и они промчались борт о борт мимо нас, убрав все паруса, кроме одного кормового кливера.

В конце дня штурман и боцман стали упрашивать капитана позволить им срубить фок-мачту. Капитан долго упирался, но боцман принялся доказывать, что, если фок-мачту оставить, судно непременно затонет, и он согласился, а когда снесли фок-мачту, грот-мачта начала так шататься и так сильно раскачивать судно, что пришлось снести и ее и таким образом освободить палубу.

Судите сами, что должен был испытывать все это время я – юнец и новичок, незадолго перед тем испугавшийся небольшого волнения. Но если после стольких лет память меня не обманывает, не смерть была мне страшна тогда; во сто крат сильнее ужасала меня мысль о том, что я изменил своему решению прийти с повинной к отцу и вернулся к прежним химерическим стремлениям, и мысли эти, усугубленные ужасом перед бурей, приводили меня в состояние, которого не передать никакими словами. Но самое худшее было еще впереди. Буря продолжала свирепствовать с такой силой, что, по признанию самих моряков, им никогда не случалось видеть подобной. Судно у нас было крепкое, но от тяжелого груза глубоко сидело в воде, и его так качало, что на палубе поминутно слышалось: «Кренит! Дело – табак!» Пожалуй, для меня было даже к лучшему, что я не вполне понимал значение этих слов, пока не попросил объяснить их. Однако буря бушевала все яростнее, и я увидел – а это нечасто увидишь, – как капитан, боцман и еще несколько человек, более разумных, чем остальные, молились, ожидая, что корабль вот-вот пойдет ко дну. В довершение ко всему вдруг среди ночи один из матросов, спустившись в трюм поглядеть, все ли там в порядке, закричал, что судно дало течь; другой посланный донес, что вода поднялась уже на четыре фута. Тогда раздалась команда: «Все к насосам!» Когда я услышал эти слова, у меня замерло сердце, и я упал навзничь на койку, где я сидел. Но матросы растолкали меня, заявив, что если до сих пор я был бесполезен, то теперь могу работать, как и всякий другой. Тогда я встал, подошел к насосу и усердно принялся качать. В это время несколько мелких судов, груженных углем, будучи не в состоянии выстоять против ветра, снялись с якоря и вышли в море. Когда они проходили мимо, наш капитан приказал подать сигнал бедствия, то есть выстрелить из пушки. Не понимая, что это значит, я пришел в ужас, вообразив, что судно наше разбилось или случилось нечто другое, не менее страшное, и потрясение было так сильно, что я упал в обморок. Но в такую минуту каждому было впору заботиться лишь о спасении собственной жизни, и никто на меня не обратил внимания и не поинтересовался, что приключилось со мной. Другой матрос, оттолкнув меня ногой, стал к насосу на мое место в полной уверенности, что я уже мертв; прошло немало времени, пока я очнулся.

Работа шла полным ходом, но вода в трюме поднималась все выше. Было очевидно, что корабль затонет, и хотя буря начинала понемногу стихать, однако нечего было и надеяться, что он сможет продержаться на воде, куда мы войдем в гавань, и капитан продолжал палить

из пушек, вызывая о помощи. Наконец одно легкое суденышко, стоявшее впереди нас, отважилось спустить шлюпку, чтобы подать нам помощь. Подвергаясь немалой опасности, шлюпка приблизилась к нам, но ни мы не могли добраться до нее, ни шлюпка не могла причалить к нашему кораблю, хотя люди гребли изо всех сил, рискуя своей жизнью ради спасения нашей. Наконец наши матросы бросили им с кормы канат с буйком, вытравив его на большую длину. После долгих и тщетных усилий гребцам удалось поймать конец каната; мы притянули их под корму и все до одного спустились в шлюпку. О том, чтобы добраться до их судна, нечего было и думать; поэтому мы единодушно решили грести по ветру, стараясь только держать по возможности к берегу. Наш капитан пообещал чужим матросам, что в случае, если лодка разобьется о берег, он заплатит за нее хозяину. И вот, частью на веслах, частью подгоняемые ветром, мы направились к северу в сторону Уинтертон-Несса, постепенно приближаясь к земле.

Не прошло и четверти часа с той минуты, когда мы отчалили от корабля, как он стал погружаться на наших глазах. И тут-то впервые я понял, что значит «дело – табак». Должен, однако, сознаться, что, услышав крики матросов: «Корабль тонет!» – я почти не имел силы взглянуть на него, ибо с тех пор как я сошел или, вернее, когда меня сняли в лодку, во мне словно все оцепенело от смятения и страха, а также от мысли о том, что еще ждет меня впереди.

Покуда люди изо всех сил налегали на весла, чтобы направить лодку к берегу, мы могли видеть (ибо всякий раз, как лодку вздымало волной, нам виден был берег), что там собралась большая толпа: все суетились и бегали, готовясь подать нам помощь, когда мы подойдем ближе. Но мы двигались очень медленно и добрались до земли, только пройдя Уинтертонский маяк там, где между Уинтертоном и Кромером береговая линия изгибается к западу и где поэтому ее выступы немного умеряли силу ветра. Здесь мы пристали и, с великим трудом, но все-таки благополучно выбравшись на сушу, пошли пешком в Ярмут, где нас, как потерпевших крушение, встретили с большим участием; городской магистр отвел нам хорошие помещения, а местные купцы и судохозяева снабдили нас деньгами в достаточном количестве, чтобы добраться по нашему выбору либо до Лондона, либо до Гулля.

Вернись я тогда обратно в Гуль, в родительский дом, как был бы я счастлив! И отец на радостях, как в евангельской притче, даже заколол бы для меня откормленного тельца: ведь он знал только, что корабль, на котором я ушел в море, затонул на Ярмутском рейде, а о моем спасении ему стало известно лишь значительно позднее.

Но моя злая судьба толкала меня все на тот же гибельный путь с упорством, которому невозможно было противиться; и хотя в моей душе неоднократно раздавался трезвый голос рассудка, звавший меня вернуться домой, у меня не хватило для этого сил. Не знаю, как это назвать, и не стану настаивать, но какое-то тайное веление всесильного рока побуждает нас быть орудием собственной своей гибели, даже когда мы видим ее перед собой, и бросаться ей на встречу с открытыми глазами, но несомненно, что только моя злая судьба, которой я был не в силах избежать, заставила меня пойти наперекор трезвым доводам и внушениям лучшей части моего существа и пренебречь двумя столь наглядными уроками, которые я получил при первой же попытке вступить на новый путь.

Сын нашего судохозяина, мой приятель, помогший мне укрепиться в пагубном решении, присмирел теперь больше меня; в первый раз, как он заговорил со мной в Ярмуте (что случилось только через два или три дня, так как в этом городе мы все жили порознь), я заметил, что тон его изменился. С унылым видом он покачал головой и спросил, как я себя чувствую. Объяснив своему отцу, кто я такой, он рассказал, что я предпринял эту поездку в виде опыта, в будущем же намереваюсь объездить весь свет. Тогда его отец, обратившись ко мне, произнес серьезно и озабоченно:

– Молодой человек! Вам больше никогда не следует пускаться в море: случившееся с нами вы должны принять за явное и несомненное знамение, что вам не суждено быть мореплавателем.

– Почему же, сэр? – возразил я. – Разве вы тоже не будете больше плавать?

– Это другое дело, – отвечал он, – плавать – моя профессия и, следовательно, моя обязанность. Но вы-то ведь отправились в плавание ради пробы. Так вот небеса и дали вам отведать то, что вы должны ожидать, если будете упорствовать в своем решении. Быть может, именно вы принесли нам несчастье, как Иона фарсийскому кораблю... Прошу вас, – прибавил он, – объясните мне толком, кто вы такой и что побудило вас предпринять это плавание?

Тогда я рассказал ему кое-что о себе. Как только я кончил, он неожиданно разразился гневом.

– Что я такого сделал, – говорил он, – чем провинился, что этот жалкий отверженец ступил на палубу моего корабля! Никогда в жизни, даже за тысячу фунтов, не соглашусь я плавать на одном судне с тобой!

Конечно, все это было сказано в сердцах человеком, и без того уже огорченным своей потерей, и в пылу гнева он зашел дальше, чем следовало. Однако потом он говорил со мной спокойно и весьма серьезно убеждал меня не искушать на свою погибель Провидение и воротиться к отцу, ибо во всем случившемся я должен видеть перст Божий.

– Ах, молодой человек! – сказал он в заключение. – Если вы не вернетесь домой, то, верьте мне, повсюду, куда бы вы ни отправились, вас будут преследовать только несчастья и неудачи, пока не сбудутся слова вашего отца.

Вскоре после того мы расстались; мне нечего было возразить ему, и больше я его не видел. Куда он уехал из Ярмута, не знаю; у меня же было немного денег, и я отправился в Лондон по суше. И по пути туда мне не раз приходилось выдерживать борьбу с собой относительно того, какой род жизни мне избрать и воротиться ли домой или снова отправиться в плавание.

Что касается возвращения в родительский дом, то стыд заглушал самые веские доводы моего разума: мне представлялось, как надо мной будут смеяться соседи и как мне будет стыдно взглянуть не только на отца и на мать, но и на всех наших знакомых. С тех пор я часто замечал, сколь нелогична и непоследовательна человеческая природа, особенно в молодости: отвергая соображения, которыми следовало бы руководствоваться в подобных случаях, люди не стыдятся греха, а стыдятся раскаяния, не стыдятся поступков, за которые их по справедливости должно назвать безумцами, а стыдятся образумиться и жить почтенной и разумной жизнью.

Довольно долго я пребывал в нерешительности, не зная, что предпринять и какой избрать жизненный путь. Я не мог побороть нежелание вернуться домой, а тем временем воспоминание о перенесенных бедствиях мало-помалу изглаживалось из моей памяти; вместе с ним ослабевал и без того слабый голос рассудка, побуждавший меня вернуться к отцу, и кончилось тем, что я отбросил мысли о возвращении и стал мечтать о новом путешествии.

Та самая злая сила, которая побудила меня бежать из родительского дома, которая вовлекла меня в нелепую и необдуманную затею составить себе состояние, рыская по свету, и так крепко вбила мне в голову эти бредни, что я остался глух ко всем добрым советам, к увещаниям и даже к запрету отца, та самая сила, говорю я, какого бы ни была она рода, толкнула меня на несчастнейшее предприятие, какое только можно вообразить, я сел на корабль, отправлявшийся к берегам Африки, или, как попросту выражаются наши моряки, «в рейс в Гвинею».

Большим моим несчастьем было то, что, пускаясь в эти приключения, я не нанимался простым матросом: вероятно, мне пришлось бы больше работать, зато я научился бы морскому делу и со временем мог бы сделаться штурманом или если не капитаном, то его помощником. Но уж такова была моя судьба – из всех возможных путей я всегда выбирал самый худший. Так и тут: в кошельке у меня водились деньги, на мне было приличное платье, и я обычно являлся на судно в обличье джентльмена, поэтому ничего там не делал и ничему не научился.

В Лондоне мне посчастливилось сразу же попасть в хорошую компанию, что не часто случается с такими распущенными, сбившимися с пути юнцами, каким я был тогда, ибо дьявол не дремлет и немедленно расставляет им какую-нибудь ловушку. Но не так было со мной. Я познакомился содним капитаном, который незадолго перед тем ходил к берегам Гвинеи, и, так как этот рейс был для него очень удачен, он решил еще раз отправиться туда. Ему полюбилось мое общество – в то время я мог быть приятным собеседником – и, узнав, что я мечтаю повидать свет, он предложил мне ехать с ним, сказав, что мне это ничего не будет стоить, что я буду его сотрапезником и другом. Если же у меня есть возможность взять с собою в Гвинею товары, то мне, может быть, повезет, и я получу целиком всю вырученную от торговли прибыль.

Я принял предложение; завязав самые дружеские отношения с этим капитаном, человеком честным и прямодушным, я отправился с ним в путь, захватив с собою небольшой груз, на котором благодаря полной бескорыстности моего друга капитана сделал весьма выгодный оборот; по его указанию я закупил на сорок фунтов стерлингов различных побрякушек и безделок. Эти сорок фунтов я собрал с помощью моих родственников, с которыми был в переписке и которые, как я полагаю, убедили моего отца или, вернее, мать помочь мне хоть небольшой суммой в этом первом моем предприятии.

Это путешествие было, можно сказать, единственным удачным из всех моих походов, чем я обязан бескорыстию и честности моего друга капитана, под руководством которого я, кроме того, приобрел изрядные сведения в математике и навигации, научился вести корабельный журнал, делать наблюдения и вообще узнал много такого, что необходимо знать моряку. Ему доставляло удовольствие заниматься со мной, а мне – учиться. Одним словом, в этом путешествии я сделался моряком и купцом: я выручил за свой товар пять фунтов девять унций золотого песка, за который по возвращении в Лондон получил без малого триста фунтов стерлингов. Эта удача преисполнила меня честолюбивыми мечтами, впоследствии довершившими мою гибель.

Но даже и в этом путешествии мне пришлось претерпеть немало невзгод, и, главное, я все время прохворал, схватив сильнейшую тропическую лихорадку вследствие чересчур жаркого климата, ибо побережье, где мы больше всего торговали, лежит между пятнадцатым градусом северной широты и экватором.

Итак, я сделался купцом и вел торговлю с Гвинеей. На мое несчастье, мой друг капитан вскоре по прибытии на родину умер, и я решил снова съездить в Гвинею самостоятельно. Я отплыл из Англии на том же самом корабле, командование которым перешло теперь к помощнику умершего капитана. Это было самое злополучное путешествие, когда-либо выпадавшее на долю человека. Правда, я взял с собою меньше ста фунтов из нажитого капитал, а остальные двести фунтов отдал на хранение вдове моего покойного друга, распорядившейся ими весьма добросовестно; но зато меня постигли во время пути страшные беды. Началось с того, что однажды, на рассвете, наше судно, державшее курс на Канарские острова или, вернее, между Канарскими островами и Африканским материком, было застигнуто врасплох турецким пиратом из Сале, который погнался за нами на всех парусах. Мы тоже подняли все паруса, какие могли выдержать наши рей и мачты, но, видя, что пират нас настигает и неминуемо догонит через несколько часов, мы приготовились к бою (у нас было двенадцать пушек, а у него восемнадцать). Около трех пополудни он нас нагнал, но по ошибке, вместо того чтобы подойти к нам с кормы, как он намеревался, подошел с борта. Мы навели на пиратское судно восемь пушек и дали по нему залп; тогда оно отошло немного подальше, предварительно ответив на наш огонь не только пушечным, но и ружейным залпом из двух сотен ружей, так как на этом судне было человек двести. Впрочем, у нас никто не пострадал: все наши люди держались дружно. Затем пират приготовился к новому нападению, а мы – к новой обороне. Подойдя на этот раз с другого борта, он взял нас на abordаж: человек шестьдесят ворвались к нам на палубу, и все первым делом бросились рубить снасти. Мы встретили их ружейной пальбой, забросали дро-

тиками, подожженными ящиками с порохом и дважды изгоняли их с нашей палубы. Тем не менее корабль наш был приведен в негодность, трое наших людей было убито, а восемь ранено, и в конце концов (я сокращаю эту печальную часть моего повествования) мы вынуждены были сдаться, и нас отвезли в качестве пленников в Сале, морской порт, принадлежащий маврам.

Обращались со мной не так плохо, как я ожидал поначалу. Меня не увели, как остальных, в глубь страны, ко двору султана: капитан разбойничьего корабля удержал меня в качестве невольника, так как я был молод, проворен и мог ему пригодиться. Этот разительный поворот судьбы, превративший меня из купца в жалкого раба, был совершенно ошеломителен; тут-то мне вспомнились пророческие слова моего отца о том, что придет время, когда некому будет выручить меня из беды, слова, которые, думалось мне, сбылись сейчас, когда десница Божия покарала меня и я погиб безвозвратно. Но увы! То была лишь бледная тень тяжелых испытаний, через которые мне предстояло пройти, как покажет продолжение моего рассказа.

Так как мой новый хозяин, или, точнее, господин, взял меня к себе в дом, то я надеялся, что он захватит с собой меня и в следующее плавание. Я был уверен, что рано или поздно его настигнет какой-нибудь испанский или португальский корабль, и тогда мне будет возвращена свобода. Но надежда моя скоро рассеялась, ибо, выйдя в море, он оставил меня присматривать за его садиком и исполнять всю черную работу, возлагаемую на рабов; по возвращении же из похода он приказал мне жить в каюте и присматривать за судном.

С того дня я ни о чем не думал, кроме побега, но какие бы способы я ни измышлял, ни один из них не сулил даже малейшей надежды на успех. Да и трудно было предположить вероятность успеха в подобном предприятии, ибо мне некому было довериться, не у кого искать помощи – здесь не было ни одного невольника англичанина, ирландца или шотландца, я был совершенно одинок; так что целых два года (хотя в течение этого времени я часто тешился мечтами о свободе) у меня не было и тени надежды на осуществление моего плана.

Но по прошествии двух лет представился один необыкновенный случай, ожививший в моей душе давнишнюю мысль о побеге, и я вновь решил сделать попытку вырваться на волю. Как-то мой хозяин дольше обыкновенного находился дома и не готовил свой корабль к отплытию (у него, как я слышал, не хватало денег). Постоянно, раз или два в неделю, а в хорошую погоду и чаще, он выходил на корабельном полубаркасе на взморье ловить рыбу. В каждую такую поездку он брал гребцами меня и молоденького мавра, и мы увеселяли его по мере сил. А так как я к тому же оказался весьма искусным рыболовом, то иногда он посылал за рыбой меня с мальчиком – Мареско, как они называли его, – под присмотром одного взрослого мавра, своего родственника.

Однажды мы вышли на ловлю в тихое, ясное утро, но, проплыв мили полторы, мы очутились в таком густом тумане, что потеряли из виду берег и стали грести наугад; проработав веслами весь день и всю ночь, мы с наступлением утра увидели кругом открытое море, ибо, вместо того чтобы держаться ближе к берегу, мы отошли от него по меньшей мере на шесть миль. В конце концов мы с огромным трудом и не без риска добрались домой, так как с утра задул довольно крепкий ветер, и к тому же мы изнемогали от голода.

Наученный этим приключением, мой хозяин решил впредь быть осмотрительнее и объявил, что больше никогда не выйдет на рыбную ловлю без компаса и без запаса провизии. После захвата нашего английского корабля он оставил себе баркас и теперь приказал своему корабельному плотнику, тоже невольнику-англичанину, построить на этом баркасе в средней его части небольшую рубку, или каюту, как на барже. Позади рубки хозяин велел оставить место для одного человека, который будет править рулем и управлять гротом, а впереди – для двоих, чтобы крепить и убирать остальные паруса, из коих кливер находился над крышей каютки. Каютка получилась низенькая, очень уютная и настолько просторная, что в ней можно было спать троим и поместить стол и шкафчики для хранения хлеба, риса, кофе и бутылок с теми напитками, какие он считал наиболее подходящими для морских путешествий.

Мы часто ходили за рыбой на этом баркасе, и так как я стал искуснейшим рыболовом, то хозяин никогда не выезжал без меня. Однажды он задумал выйти в море (за рыбой или просто прокатиться – уж не могу сказать) с двумя-тремя маврами, надо полагать, важными персонами, для которых он особенно постарался, заготовил провизии больше обычного и еще с вечера отослал ее на баркас. Кроме того, он приказал мне взять у него на судне три ружья с необходимым количеством пороха и зарядов, так как, помимо ловли рыбы, им хотелось еще поохотиться на птиц.

Я сделал все, как он велел, и на другой день с утра ждал его на баркасе, чисто вымытом и совершенно готовом к приему гостей, с поднятыми вымпелами и флагом. Однако хозяин пришел один и сказал, что его гости отложили поездку из-за какого-то непредвиденного дела. Затем он приказал нам троим – мне, мальчику и мавру – идти, как всегда, на взморье за рыбой, так как его друзья будут у него ужинать, и потому, как только мы наловим рыбы, я должен принести ее к нему домой. Я повиновался.

Вот тут-то у меня блеснула опять моя давнишняя мысль о побеге. Теперь в моем распоряжении было маленькое судно, и как только хозяин ушел, я стал готовиться, но не для рыбной ловли, а в дальнюю дорогу, хотя не только не знал, но даже и не думал о том, куда я направляю свой путь: всякая дорога была для меня хороша, лишь бы уйти из неволи.

Первым моим ухищрением было внушить мавру, что нам необходимо запастись едой, так как нам не пристало пользоваться припасами для хозяйских гостей. Он ответил, что это справедливо, и притащил на баркас большую корзину с сухарями и три кувшина пресной воды. Я знал, где стоит у хозяина погреб с винами (судя по виду – добыча с какого-нибудь английского корабля), и покуда мавр был на берегу, я переправил погреб на баркас, как будто он был еще раньше приготовлен для хозяина. Кроме того, я принес большой кусок воску, фунтов в пятьдесят весом, да прихватил моток бечевки, топор, пилу и молоток. Все это очень нам пригодилось впоследствии, особенно воск, из которого мы делали свечи. Я пустил в ход еще и другую хитрость, на которую мавр тоже попался по простоте душевной. Его имя было Измаил, но все его звали Мали или Мули. Вот и я сказал ему:

– Мали, у нас на баркасе есть хозяйские ружья. Что, если б ты добыл немножко пороху и дробь? Может быть, нам удалось бы подстрелить себе на обед несколько альками (птица вроде нашего кулика). Хозяин держит порох и дробь на корабле, я знаю.

– Хорошо, я принесу, – сказал он и притащил большой кожаный мешок с порохом (фунта в полтора весом, если не больше) да другой с дробью, фунтов в пять или шесть. Он захватил также и пули. Все это мы отнесли на баркас. Кроме того, в хозяйской каюте нашлось еще немного пороху, который я пересыпал в одну из стоявших в ящике почти пустую бутылку, перелив из нее остатки вина в другую. Таким образом мы запаслись всем необходимым для путешествия и вышли из гавани на рыбную ловлю. В сторожевой башне, что стоит у входа в гавань, знали, кто мы такие, и наше судно не привлекло внимания. Отойдя от берега не больше как на милю, мы убрали парус и стали готовиться к ловле. Ветер был северо-восточный, что не отвечало моим планам, потому что, дуй он с юга, я мог бы наверняка доплыть до испанских берегов, по крайней мере до Кадикса; но откуда бы он ни дул, я твердо решил одно: убраться подальше от этого ужасного места, а потом будь что будет.

Понудив некоторое время и ничего не поймав, я нарочно не вытаскивал удочки, когда у меня рыба клевала, чтобы мавр ничего не видел, – я сказал:

– Туту нас дело не пойдет; хозяин не поблагодарит нас за такой улов. Надо отойти подальше.

Не подозревая подвоха, мавр согласился и поставил паруса, так как он был на носу баркаса. Я сел за руль и, когда баркас отошел еще мили на три в открытое море, лег в дрейф как будто затем, чтобы приступить к рыбной ловле. Затем, передав мальчику руль, я подошел к мавру сзади, нагнулся, словно рассматривая что-то под ногами, вдруг обхватил его, поднял и

швырнул за борт. Мавр мгновенно вынырнул, ибо плавал как пробка, и стал умолять, чтобы я взял его на баркас, клянясь, что поедет со мной хоть на край света. Он плыл так быстро, что догнал бы лодку очень скоро, тем более что ветра почти не было. Тогда я бросился в каюту, схватил охотничье ружье и, направив на него дуло, крикнул, что не желаю ему зла и не сделаю ему ничего дурного, если он оставит меня в покое.

– Ты хорошо плаваешь, – продолжал я, – на море тихо, и тебе ничего не стоит доплыть до берега; я тебя не трону; но только попробуй подплыть близко к баркасу, и я мигом прострелю тебе череп, потому что твердо решился вернуть себе свободу.

Тогда он повернул к берегу и, несомненно, доплыл до него без особого труда – пловец он был отличный.

Конечно, я мог бы бросить в море мальчика, а мавра взять с собою, но довериться ему было бы опасно. Когда он отплыл достаточно далеко, я повернулся к мальчику – его звали Ксури – и сказал:

– Ксури! Если ты будешь мне верен, я сделаю тебя большим человеком, но если ты не погладишь своего лица в знак того, что не изменишь мне, то есть не поклянешься бородой Магомета и его отца, я и тебя брошу в море.

Мальчик улыбнулся, глядя мне прямо в глаза, и отвечал так чистосердечно, что я не мог не поверить ему. Он поклялся, что будет мне верен и поедет со мной на край света.

Пока плывущий мавр не скрылся из вида, я держал прямо в открытое море, лавируя против ветра. Я делал это нарочно, чтобы показать, будто мы идем к Гибралтарскому проливу (как, очевидно, и подумал бы каждый здравомыслящий человек). В самом деле, можно ли было предположить, что мы намерены направиться на юг, к тем поистине варварским берегам, где целые полчища негров со своими челноками окружили и убили бы нас; где, стоило только ступить на землю, нас растерзали бы хищные звери или еще более кровожадные дикие существа в человеческом образе?

Но как только стало смеркаться, я изменил курс и стал править на юг, уклоняясь слегка к востоку, чтобы не слишком удалиться от берегов. Благодаря довольно свежему ветерку и спокойствию на море мы шли таким хорошим ходом, что на другой день в три часа пополудни, когда впереди в первый раз показалась земля, мы были не менее чем на полтора ста миль южнее Сале, далеко за пределами владений марокканского султана, да и всякого другого из тамошних владык, потому что людей вообще не было видно.

Однако я набрался такого страха у мавров и так боялся снова попасться им в руки, что, пользуясь благоприятным ветром, целых пять дней плыл не останавливаясь, не приставая к берегу и не бросая якоря. Через пять дней ветер переменялся на южный, и, по моим соображениям, если за нами и была погоня, то к этому времени преследователи уже должны были от нее отказаться, поэтому я решился подойти к берегу и стал на якорь в устье какой-то маленькой речки. Какая это была речка и где она протекала, в какой стране, у какого народа и под какой широтой, я не имел понятия. Я не видал людей на берегу, да и не стремился увидеть; главное для меня было – запастись пресной водой. Мы вошли в эту речку под вечер и решили, когда стемнеет, добраться до берега и осмотреть местность. Но как только стемнело, мы услышали с берега такие ужасные звуки, такой неистовый рев, лай и вой неведомых диких зверей, что бедный мальчик чуть не умер со страху и молил меня не сходить на берег до наступления дня.

– Хорошо, Ксури, – сказал я, – но, быть может, днем мы там увидим людей, которые для нас, пожалуй, опаснее, чем эти львы.

– А мы бух-бух из ружья, – сказал он со смехом, – они и убегут.

От невольников-англичан Ксури научился говорить на ломаном английском языке. Я был рад, что мальчик так весел, и, чтобы поддержать в нем эту бодрость духа, дал ему глоток вина из хозяйских запасов. Совет его, в сущности, был недурен, и я последовал ему. Мы бросили якорь и простояли всю ночь притаившись. Я говорю – притаившись, потому что мы ни минуты не спали. Часа через два-три, после того как мы бросили якорь, мы увидели на берегу огромных животных (каких – мы и сами не знали); они подходили к самому берегу, бросались в воду, плескались и барахтались, очевидно, чтобы освежиться, и при этом отвратительно визжали, ревели и выли; я в жизни не слыхал ничего подобного.

Ксури был страшно напуган, да, правду сказать, и я тоже. Но еще больше испугались мы оба, когда услышали, что одно из этих страшилищ плывет к нашему баркасу; мы не видели его, но по тому, как оно отдувалось и фыркало, могли заключить, что это было свирепое животное чудовищных размеров. Ксури решил, что это лев (быть может, так оно и было, по крайней мере я не уверен в противном), и крикнул, что надо поднять якорь и уйти отсюда.

– Нет, Ксури, – отвечал я, – незачем поднимать якорь; мы только вытравим канат подлиннее и выйдем в море; туда они за нами не погонятся. – Но не успел я это сказать, как увидел неизвестного зверя на расстоянии каких-нибудь двух весел от баркаса. Признаюсь, я немного оторопел, однако сейчас же схватил в каюте ружье, и как только я выстрелил, животное повернуло назад и поплыло к берегу.

Невозможно описать, что за адский рев, вопли и завывания поднялись на берегу и дальше, в глубине материка, когда раздался мой выстрел. Это давало мне некоторое основание предположить, что здешние звери никогда не слыхали такого звука. Я окончательно убедился, что нам и думать нечего о высадке на берег ночью, но вряд ли возможно будет высадиться и днем: попасть в руки какого-нибудь дикаря не лучше, чем попасться в когти льву или тигру; по крайней мере эта опасность пугала нас несколько не меньше.

Тем не менее здесь или в другом месте, но нам необходимо было сойти на берег, ибо у нас не оставалось ни пинты воды. Но опять загвоздка была в том, где и как высадиться. Ксури объявил, что, если я его пушу на берег с кувшином, он постарается разыскать и принести пресную воду. А когда я спросил его, отчего же идти ему, а не мне и отчего ему не остаться в лодке, в ответе мальчика было столько глубокого чувства, что он подкупил меня навеки.

– Коли там дикие люди, – сказал он, – они меня скупают, а ты уплывать.

– Тогда вот что, Ксури, – сказал я, – отправимся вместе, а если там дикие люди, мы убьем их, и они не съедят ни тебя, ни меня.

Я дал мальчику поесть сухарей и выпить глоток вина из хозяйского запаса, о котором я уже говорил; затем мы подтянулись поближе к земле и, соскочив в воду, направились к берегу вброд, не взяв с собой ничего, кроме оружия да двух кувшинов для воды.

Я не хотел удаляться от берега, чтобы не терять из виду баркаса, опасаясь, как бы вниз по реке к нам не спустились дикари в своих пирогах; но Ксури, заметив низинку на расстоянии приблизительно одной мили от берега, зашагал туда с кувшином. Вскоре я увидел, что он бежит назад. Подумав, что за ним гонятся дикари либо он испугался хищного зверя, я бросился к нему на помощь, но, подбежав ближе, увидел, что на плечах у него что-то лежит. Оказалось, он убил какого-то зверька вроде нашего зайца, но иной окраски и с более длинными ногами. Мы оба радовались такой удаче, и мясо убитого животного оказалось очень вкусным; но еще больше я обрадовался, услышав от Ксури, что он нашел хорошую пресную воду и не встретил диких людей.

Потом оказалось, что наши чрезмерные хлопоты о воде были напрасны: в той самой речке, где мы стояли, только немного повыше, куда не достигал прилив, вода была совершенно пресная, и мы, наполнив кувшины, устроили пиршество из убитого зайца и приготовились продолжать путь, так и не обнаружив в этой местности никаких следов человека.

Я уже побывал однажды в этих местах, и мне было хорошо известно, что Канарские острова и острова Зеленого Мыса отстоят недалеко от материка. Но теперь у меня не было с собой приборов для наблюдений, и, следовательно, я не мог определить, на какой широте мы находимся; к тому же я не знал в точности или, во всяком случае, не помнил, на какой широте лежат эти острова, поэтому неизвестно было, где их искать и когда следует свернуть в открытое море, чтобы приплыть к ним; знай я это, мне было бы нетрудно добраться до какого-нибудь из островов. Но я надеялся, что если я буду держаться вдоль берега, покамест не дойду до той части страны, где англичане ведут береговую торговлю, то я, по всей вероятности, встречу какое-нибудь английское купеческое судно, совершающее свой обычный рейс, и оно нас подберет.

По всем своим расчетам, мы находились теперь против береговой полосы, что тянется между владениями марокканского султана и землями негров. Это пустынная, безлюдная область, где обитают одни только дикие звери: негры, боясь мавров, покинули ее и ушли дальше на юг, а мавры нашли невыгодным заселять эти бесплодные земли; вернее же, что тех или других распугали тигры, львы, леопарды и прочие хищники, которые водятся здесь в несметном количестве. Таким образом, для мавров эта область служит только местом охоты, на которую они отправляются целыми армиями, по две, по три тысячи человек. Неудивительно поэтому, что на протяжении чуть ли не ста миль мы видели днем лишь безлюдную пустыню, а ночью не слышали ничего, кроме воя и рева диких зверей.

Два раза в дневную пору мне показалось, что я вижу вдали Тенерифский пик – высочайшую вершину горы Тенерифе, что на Канарских островах. Я даже пробовал сворачивать в море в надежде добраться туда, но оба раза противный ветер и сильное волнение, опасное для моего утлого суденышка, принуждали меня повернуть назад, так что в конце концов я решил не отступать более от моего первоначального плана и держаться вдоль берегов.

После того как мы вышли из устья речки, нам еще несколько раз пришлось приставать к берегу для пополнения запасов пресной воды. Однажды ранним утром мы стали на якорь под защитой довольно высокого мыска; прилив только еще начинался, и мы ждали полной его силы, чтобы подойти ближе к берегу. Вдруг Ксури, у которого, видно, глаза были зорче моих, тихонько окликнул меня и сказал, что нам лучше бы отойти от берега подальше.

– Глянь, какое страшилище вон там на пригорке крепко спит.

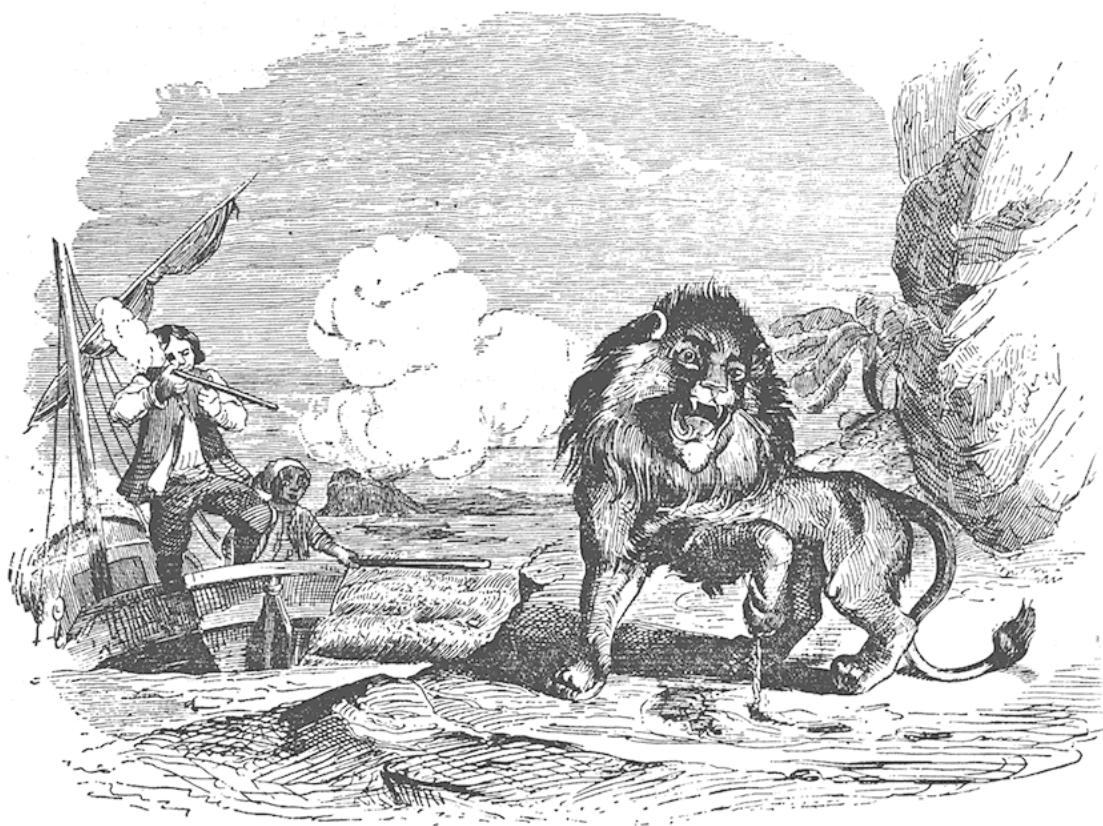
Я взглянул, куда он показывал, и действительно увидел страшилище. Это был огромной величины лев, лежавший на скате берега в тени нависшей скалы.

– Ксури, – сказал я, – ступай на берег и убей его.

Мальчик испугался.

– Я его убить? – проговорил он. – Он меня съест одной глоткой. – Он хотел сказать – одним глотком.

Я не стал возражать, велел только не шевелиться, и, взяв самое большое ружье, по калибру почти равнявшееся мушкету, зарядил его двумя кусками свинца и порядочным количеством пороху; в другое я вкатил две большие пули, а в третье (у нас было три ружья) – пять пуль поменьше. Взяв первое ружье и хорошенько прицелившись зверю в голову, я выстрелил; но он лежал, прикрыв морду лапой, и заряд попал ему в переднюю лапу и перебил кость выше колена. Зверь с рычанием вскочил, но, почувствовав боль, сейчас же свалился, потом опять поднялся на трех лапах и испустил такой ужасный рев, какого я в жизни своей не слышал. Я был немного удивлен тем, что не попал в голову, однако, не медля ни минуты, взял второе ружье и выстрелил зверю вдогонку, так как он заковылял быстро прочь от берега; на этот раз заряд попал прямо в цель. Я с удовольствием увидел, как лев упал и, издавая какие-то слабые звуки, начал корчиться в борьбе со смертью. Тут Ксури набрался храбрости и стал проситься на берег.

– Ладно, ступай, – сказал я.

Мальчик прыгнул в воду и поплыл к берегу, работая одной рукой и держа в другой ружье. Подойдя вплотную к распростертому зверю, он приставил дуло ружья к его уху и выстрелил, прикончив зверя.

Дичь была знатная, но несъедобная, и я очень жалел, что мы истратили даром три заряда. Но Ксури объявил, что он поживится кое-чем от убитого льва, и когда мы вернулись на баркас, попросил у меня топор.

– Зачем тебе топор? – спросил я.

– Отрубить ему голову, – ответил Ксури. Однако головы отрубить он не смог, а отрубил только лапу, которую и притащил с собой. Она была чудовищных размеров.

Тут мне пришло в голову, что, может быть, нам пригодится шкура льва, и я решил попытаться снять ее. Мы с Ксури подошли ко льву, но я не знал, как взяться за дело. Ксури ока-

зался гораздо ловчее меня. Эта работа заняла у нас целый день. Наконец шкура была снята; мы растянули ее на крыше нашей каютки; дня через два солнце как следует просушило ее, и впоследствии она служила мне постелью.

После этой остановки мы еще дней десять – двенадцать продолжали держать курс на юг, стараясь как можно экономнее расходовать наши запасы, начинавшие быстро таять, и сходили на берег только за пресной водой. Я хотел дойти до устьев Гамбии или Сенегала, иначе говоря, приблизиться к Зеленому Мысу, где надеялся встретить какое-нибудь европейское судно: я знал, что, если этого не случится, мне останется либо блуждать в поисках островов, либо погибнуть здесь среди негров. Мне было известно, что все европейские суда, куда бы они ни направлялись – к берегам ли Гвинеи, в Бразилию или в Ост-Индию, – проходят мимо Зеленого Мыса или островов того же названия; словом, я поставил всю свою судьбу на эту карту, понимая, что либо я встречу европейское судно, либо погибну.

Итак, еще дней десять я продолжал стремиться к этой единственной цели. Постепенно я стал замечать, что побережье обитаемо: в двух-трех местах, проплывая мимо, мы видели на берегу людей, которые глазели на нас. Мы могли также различить, что они были черные как смоль и совсем голые. Один раз я хотел было сойти к ним на берег, но Ксури, мой мудрый советчик, сказал: «Не ходи, не ходи». Тем не менее я стал держать ближе к берегу, чтобы можно было вступить с ними в разговор. Они, должно быть, поняли мое намерение и долго бежали вдоль берега за нашим баркасом. Я заметил, что они не были вооружены, кроме одного, державшего в руке длинную тонкую палку. Ксури сказал мне, что это копье и что дикари мечут копья очень далеко и замечательно метко; поэтому я держался в некотором отдалении от них и, как умел, объяснялся с ними знаками, стараясь главным образом дать им понять, что мы нуждаемся в пище. Они знаками показали мне, чтобы я остановил лодку и что они принесут нам мяса. Как только я спустил парус и лег в дрейф, двое чернокожих побежали куда-то и через полчаса или того меньше принесли два куска вяленого мяса и немного зерна какого-то местного злака. Мы не знали, что это было за мясо и что за зерно, однако изъявили полную готовность принять и то и другое. Но тут мы стали в тупик: как получить все это? Мы не решались сойти на берег, боясь дикарей, а они, в свою очередь, боялись нас несколько не меньше. Наконец они придумали выход из этого затруднения, одинаково безопасный для обеих сторон: сложив на берегу зерно и мясо, они отошли подальше и стояли неподвижно, пока мы не переправили все это на баркас, а затем воротились на прежнее место.

Мы благодарили их знаками, потому что больше нам было нечем отблагодарить. Но в ту же минуту нам представился случай оказать им большую услугу. Мы еще стояли у берега, как вдруг со стороны гор выбежали два огромных зверя и бросились к морю. Один из них, как нам показалось, гнался за другим: был ли это самец, преследовавший самку, играли ли они между собою или грызлись, мы не могли разобрать, как не могли бы сказать и того, было ли это обычное явление в тех местах или исключительный случай; я думаю, впрочем, что последнее было вернее, так как, во-первых, хищные звери редко показываются днем, а во-вторых, мы заметили, что люди на берегу, особенно женщины, сильно перепугались... Только человек, державший копье или дротик, остался на месте; остальные пустились бежать. Но звери мчались прямо к морю и не намеревались нападать на негров. Они бросились в воду и стали плавать, словно купание было единственной целью их появления. Вдруг один из них подплыл довольно близко к баркасу. Я этого не ожидал; тем не менее, зарядив поскорее ружье и приказав Ксури зарядить оба других, я приготовился встретить хищника. Как только он приблизился на расстояние ружейного выстрела, я спустил курок, и пуля попала ему прямо в голову; он мгновенно погрузился в воду, потом вынырнул и поплыл назад к берегу, то исчезая под водой, то снова появляясь на поверхности. Видимо, он был в агонии – он захлебывался водой и кровью из смертельной раны и, не доплыв немного до берега, околел.

Невозможно передать, сколь поражены были бедные дикари, когда услышали треск и увидели огонь ружейного выстрела; некоторые из них едва не умерли со страху и упали на землю, точно мертвые. Но, видя, что зверь пошел ко дну и что я делаю им знаки подойти ближе, они ободрились и вошли в воду, чтобы вытащить убитого зверя. Я нашел его по кровавым пятнам на воде и, закинув на него веревку, перебросил конец ее неграм, а те притянули ее к берегу. Животное оказалось леопардом редкой породы с пятнистой шкурой необычайной красоты. Негры, стоя над ним, воздевали вверх руки в изумлении; они не могли понять, чем я его убил.

Второй зверь, испуганный огнем и треском моего выстрела, выскочил на берег и убежал в горы; за дальностью расстояния я не мог разобрать, что это был за зверь. Между тем я понял, что неграм хочется поесть мяса убитого леопарда; я охотно оставил его им в дар и показал знаками, что они могут взять его себе. Они всячески выражали свою благодарность и, не теряя времени, принялись за работу. Хотя ножей у них не было, однако, действуя заостренными кусочками дерева, они сняли шкуру с мертвого зверя так быстро и ловко, как мы не сделали бы этого и ножом. Они предложили мне мясо, но я отказался, объяснив знаками, что отдаю его им, и попросил только шкуру, которую они мне отдали весьма охотно. Кроме того, они принесли для меня новый запас провизии, гораздо больше прежнего, и я его взял, хоть и не знал, какие это были припасы. Затем я знаками попросил у них воды, протянув один из наших кувшинов, я опрокинул его кверху дном, чтобы показать, что он пуст и что его надо наполнить. Они сейчас же прокричали что-то своим. Немного погодя появились две женщины с большим сосудом воды из обожженной (должно быть, на солнце) глины и оставили его на берегу, как и провизию. Я отправил Ксури со всеми нашими кувшинами, и он наполнил водой все три. Женщины были совершенно голые, как и мужчины.

Запасшись таким образом водой, кореньями и зерном, я расстался с гостеприимными неграми и в течение еще одиннадцати дней продолжал путь в прежнем направлении, не приближаясь к берегу. Наконец милях в пятнадцати впереди я увидел узкую полосу земли, далеко выступавшую в море. Погода была тихая, и я свернул в открытое море, чтобы обогнуть эту косу. В тот момент, когда мы поравнялись с ее оконечностью, я ясно различил милях в двух от берега со стороны океана другую полосу земли и заключил вполне основательно, что узкая коса – Зеленый Мыс, а полоса земли – острова того же названия. Но они были очень далеко, и, не решаясь направиться к ним, я не знал, что делать. Я понимал, что если меня застигнет свежий ветер, то я, пожалуй, не доплыву ни до острова, ни до мыса.

Ломая голову над этой дилеммой, я присел на минуту в каюте, предоставив Ксури править рулем, как вдруг я услышал его крик: «Хозяин! Хозяин! Парус! Корабль!» Глупенький мальчишка перепугался до смерти, вообразив, что это непременно один из кораблей его хозяина, посланных за нами в погоню; но я знал, как далеко ушли мы от мавров, и был уверен, что нам не может угрожать эта опасность. Я выскочил из каюты и тотчас же не только увидел корабль, но даже определил, что он был португальский и направлялся, как я поначалу решил, к берегам Гвинеи за неграми. Но, присмотревшись внимательнее, я убедился, что судно идет в другом направлении и не думает сворачивать к земле. Тогда я поднял все паруса и повернул в открытое море, решившись сделать все возможное, чтобы вступить с ним в переговоры.

Я, впрочем, скоро убедился, что, даже идя полным ходом, мы не успеем подойти к нему близко и что оно пройдет мимо, прежде чем мы успеем подать ему сигнал; мы выбивались из сил; но, когда я уже почти отчаялся, нас, очевидно, разглядели с корабля в подзорную трубу и приняли за лодку какого-нибудь погибшего европейского судна. Корабль убавил паруса, чтобы дать нам возможность подойти. Я воспрянул духом. У нас на баркасе был кормовой флаг с корабля нашего бывшего хозяина, и я стал махать этим флагом в знак того, что мы терпим бедствие, и, кроме того, выстрелил из ружья. На корабле увидели флаг и дым от выстрела

(самого выстрела они не слышали); корабль лег в дрейф, ожидая нашего приближения, и спустя три часа мы причалили к нему.

По-португальски, по-испански и по-французски меня стали спрашивать, кто я, но ни одного из этих языков я не знал. Наконец один матрос, шотландец, заговорил со мной по-английски, и я объяснил ему, что я англичанин и убежал от мавров из Сале, где меня держали в неволе. Тогда меня и моего спутника пригласили на корабль со всем нашим грузом и приняли весьма любезно.

Легко себе представить, какой невыразимой радостью наполнило меня сознание свободы после того бедственного и почти безнадежного положения, в котором я находился. Я немедленно предложил все свое имущество капитану в благодарность за мое избавление, но он великодушно отказался, сказав, что ничего с меня не возьмет и что все будет возвращено мне в целости, как только мы придем в Бразилию.

– Спасая вам жизнь, – прибавил он, – я поступлю с вами так же, как хотел бы, чтоб поступили со мной, будь я на вашем месте. А это всегда может случиться. Кроме того, ведь мы завезем вас в Бразилию, а от вашей родины это очень далеко, и вы умрете там с голоду, если я отниму все, что у вас есть. Для чего же тогда мне было вас спасать? Нет, нет, сеньор инглезе (то есть англичанин), я довезу вас даром до Бразилии, а ваше имущество даст вам возможность прожить там и оплатить проезд на родину.

Капитан оказался великодушным не только на словах, но и на деле. Он распорядился, чтобы никто из матросов не смел прикасаться к моему имуществу, затем составил подробную его опись и взял все это под присмотр, а опись передал мне, чтобы потом, по прибытии в Бразилию, я мог получить по ней каждую вещь, вплоть до трех глиняных кувшинов.

Что касается моего баркаса, то капитан, видя, что он очень хорош, сказал, что охотно купит его для своего корабля, и спросил, сколько я хочу получить за него. На это я ответил, что он поступил со мной так великодушно во всех отношениях, что я ни в коем случае не стану назначать цену за свою лодку, а всецело предоставляю это ему. Тогда он сказал, что выдаст мне письменное обязательство уплатить за нее восемьдесят серебряных «восьмериков» в Бразилии, но что если по приезде туда кто-нибудь предложит мне больше, то и он даст мне больше. Кроме того, он предложил мне шестьдесят «восьмериков» за мальчика Ксури. Мне очень не хотелось брать эти деньги, и не потому чтобы я боялся отдать мальчика капитану, а потому что мне было жалко продавать свободу бедняги, который так преданно помогал мне самому добыть ее. Я изложил капитану все эти соображения, и он признал их справедливость, но советовал не отказываться от сделки, говоря, что он выдаст мальчику обязательство отпустить его на волю через десять лет, если он примет христианство. Это меняло дело, а так как к тому же сам Ксури выразил желание перейти к капитану, то я и уступил его.

Наш переезд до Бразилии совершился вполне благополучно, и после двадцатидвухдневного плавания мы вошли в залив де Тодос-лос-Сантос, иначе – залив Всех Святых. Итак, я еще раз был избавлен от самого бедственного положения, в какое только может попасть человек, и теперь мне оставалось решить, что делать с собою.

Я никогда не забуду, как великодушно отнесся ко мне капитан португальского корабля. Он ничего не взял с меня за проезд, аккуратнейшим образом возвратил мне все мои вещи, дал мне двадцать дукатов за шкуру леопарда и сорок за львиную шкуру и купил все, что мне хотелось продать, в том числе ящик с винами, два ружья и остаток воску (часть его пошла у нас на свечи). Одним словом, я выручил около двухсот «восьмериков» и с этим капиталом сошел на берег Бразилии.

Вскоре капитан ввел меня в дом одного своего знакомого, такого же доброго и честного человека, как он сам. Это был владелец «инхеньо», то есть, по местному наименованию, плантации сахарного тростника и сахарного завода при ней. Я прожил у него довольно долгое время и благодаря этому познакомился с культурой сахарного тростника и сахарным производством.

Видя, как хорошо живет плантаторам и как быстро они богатеют, я решил хлопотать о разрешении поселиться здесь окончательно, чтобы самому заняться этим делом. В то же время я старался придумать какой-нибудь способ выписать из Лондона хранившиеся у меня там деньги. Когда мне удалось получить бразильское подданство, я на все мои наличные деньги купил участок неводеланной земли и стал составлять план моей будущей плантации и усадьбы, соображаясь с размерами той денежной суммы, которую я рассчитывал получить из Англии.

Был у меня сосед, португалец из Лиссабона, по происхождению англичанин, по фамилии Уэллс. Он находился приблизительно в таких же условиях, как и я. Я называю его соседом, потому что его плантация прилегала к моей и мы с ним были в самых приятельских отношениях. У меня, как и у него, оборотный капитал был весьма невелик, и первые два года мы оба еле-еле могли прокормиться с наших плантаций. Но, по мере того как земля возделывалась, мы богатели, так что на третий год часть земли была у нас засажена табаком, и мы разделили по большому участку под сахарный тростник к будущему году. Но мы оба нуждались в рабочих руках, и тут мне стало ясно, как неразумно я поступил, расставшись с мальчиком Ксури.

Но увы! Благоразумием я никогда не отличался, и неудивительно, что я так плохо считал и в этот раз. Теперь мне не оставалось ничего более, как продолжать в том же духе. Я навязал себе на шею дело, к которому у меня никогда не лежала душа, прямо противоположное той жизни, о какой я мечтал, ради которой я покинул родительский дом и пренебрег отцовскими советами. Более того, я сам пришел к той золотой середине, к той высшей ступени скромного существования, которую советовал мне избрать мой отец и которой я мог бы достичь с таким же успехом, оставаясь на родине и не утомляя себя скитаниями по белу свету. Как часто теперь говорил я себе, что мог бы делать то же самое и в Англии, живя среди друзей, не забираясь за пять тысяч миль от родины, к чужеземцам и дикарям, в дику страну, куда до меня никогда не дойдет даже весточка из тех частей земного шара, где меня немного знают!

Вот каким горьким размышлениям о своей судьбе предавался я в Бразилии. Кроме моего соседа-плантатора, с которым я изредка виделся, мне не с кем было перекинуться словом; все работы мне приходилось исполнять собственными руками, и я, бывало, постоянно твердил, что живу точно на необитаемом острове, и жаловался, что кругом нет ни одной души человеческой. Как справедливо покарала меня судьба, когда впоследствии и в самом деле забросила меня на необитаемый остров, и как полезно было бы каждому из нас, сравнивая свое настоящее положение с другим, еще худшим, помнить, что Провидение во всякую минуту может совершить обмен и показать нам на опыте, как мы были счастливы прежде! Да, повторяю, судьба наказала меня по заслугам, когда обрекла на ту действительно одинокую жизнь на безотрадном острове, с которой я так несправедливо сравнивал свое тогдашнее житье, каковое, если б у меня хватило терпения продолжать начатое дело, вероятно, привело бы меня к богатству и процветанию.

Мои планы продолжать разделять плантацию приняли уже некоторую определенность к тому времени, когда мой благодетель – капитан, подобравший меня в море, должен был отплыть обратно на родину (его судно простояло в Бразилии около трех месяцев, пока он готовил новый груз на обратный путь). И вот, когда я рассказал ему, что у меня остался в Лондоне небольшой капитал, он дал мне следующий дружеский и чистосердечный совет.

– Сеньор инглезе, – так он всегда меня величал, – дайте мне формальную доверенность и напишите в Лондон тому лицу, у которого хранятся ваши деньги. Напишите, чтобы для вас там закупили товаров, таких, какие находят сбыт в здешних краях, и переслали бы их в Лиссабон, по адресу, который я вам укажу; а я, если Бог даст, вернусь и доставлю вам их в целости. Но так как дела человеческие подвержены всяким превратностям и бедам, то на вашем месте я взял бы на первый раз всего лишь сто фунтов стерлингов, то есть половину вашего капитала. Рискните сначала только этим. Если эти деньги вернутся к вам с прибылью, вы можете таким

же образом пустить в оборот и остальной капитал, а если пропадут, так у вас по крайней мере останется хоть что-нибудь в запасе.

Совет был так хорош и так дружелюбен, что лучшего, казалось мне, нельзя и придумать, и мне оставалось только последовать ему. Поэтому я не колеблясь выдал капитану доверенность, как он того желал, и приготовил письма к вдове английского капитана, которой когда-то отдал на сохранение свои деньги.

Я подробно описал ей все мои приключения: рассказал, как я попал в неволю, как убежал, как встретил в море португальский корабль и как человечно обошелся со мною капитан. В заключение я описал ей настоящее мое положение и дал необходимые указания насчет закупки для меня товаров. Мой друг капитан тотчас по прибытии своем в Лиссабон через английских купцов переслал в Лондон одному тамошнему купцу заказ на товары, присоединив к нему подробнейшее описание моих походов. Лондонский купец немедленно передал оба письма вдове английского капитана, и она не только выдала ему требуемую сумму, но еще послала от себя португальскому капитану довольно кругленькую сумму в виде подарка за его гуманное и участливое отношение ко мне.

Закупив на все мои сто фунтов английских товаров по указанию моего приятеля капитана, лондонский купец переслал их ему в Лиссабон, а тот благополучно доставил их мне в Бразилию. В числе других вещей он уже по собственному почину (ибо я был настолько новичком в моем деле, что мне это даже не пришло в голову) привез мне всевозможных земледельческих орудий, а также всякой хозяйственной утвари. Все это были вещи, необходимые для работ на плантации, и все они очень мнегодились.

Когда прибыл мой груз, я был вне себя от радости и считал свою будущность отныне обеспеченной. Мой добрый опекун капитан, кроме всего прочего, привез мне работника, которого нанял с обязательством прослужить мне шесть лет. Для этой цели он истратил собственные пять фунтов стерлингов, полученные в подарок от моей покровительницы, вдовы английского капитана. Он наотрез отказался от всякого возмещения, и я уговорил его только принять небольшой тюк возвращенного мною табака.

И это было не все. Так как все мои товары состояли из английских мануфактурных изделий – полотен, байки, сукон, вообще вещей, которые особенно ценились и требовались в этой стране, то я имел возможность распродать их с большой прибылью; словом, когда все было распродано, мой капитал учетверился. Благодаря этому я далеко опередил моего бедного соседа по разработке плантации, ибо первым моим делом после распродажи товаров было купить невольника-негра и нанять еще одного работника-европейца, кроме того, которого привез мне капитан из Лиссабона.

Но дурное употребление материальных благ часто является вернейшим путем к величайшим невзгодам. Так было и со мной. В следующем году я продолжал возделывать свою плантацию с большим успехом и собрал пятьдесят тюков табаку сверх того количества, которое я уступил соседям в обмен на предметы первой необходимости. Все эти пятьдесят тюков весом по сотне с лишним фунтов каждый лежали у меня просушенные, совсем готовые к приходу судов из Лиссабона. Итак, дело мое разрасталось; но, по мере того как я богател, голова моя наполнялась планами и проектами, совершенно несбыточными при тех средствах, какими я располагал: короче, это были такого рода проекты, которые нередко разоряют самых лучших дельцов.

Останься я на поприще, мною же самым избранным, я, вероятно, дождался бы тех радостей жизни, о которых так убедительно говорил мне отец как о неизменных спутниках тихого, уединенного существования среднего общественного положения. Но мне была уготована иная участь: мне по-прежнему суждено было самому быть виновником всех моих несчастий. И, точно для того чтобы усугубить мою вину и подбавить горечи в размышления над моей участью, на что в моем печальном будущем мне было отпущено слишком много досуга, все мои

неудачи вызывались исключительной моей страстью к скитаниям, каковой я предавался с безрассудным упрямством, тогда как передо мной открывалась светлая будущность полезной и счастливой жизни, стоило мне только продолжать начатое, воспользоваться теми житейскими благами, которые так щедро расточали мне природа и Провидение, и исполнять свой долг.

Как когда-то, когда я убежал из родительского дома, так и теперь я не мог удовлетвориться настоящим. Я отказался от видов на будущее мое благосостояние, быть может, богатство, которое принесла бы работа на плантации, – и все оттого, что меня одолевало жгучее желание обогатиться скорее, чем допускали обстоятельства. Таким образом, я вверг себя в глубочайшую бездну бедствий, в какую, вероятно, не попадал еще ни один человек и из какой едва ли можно выйти живым и здоровым.

Перехожу теперь к подробностям этой части моих походов. Прожив в Бразилии почти четыре года и значительно увеличив свое благосостояние, я, само собою разумеется, не только изучил местный язык, но и завязал большие знакомства с моими соседями – плантаторами, а равно и с купцами из Сан-Сальвадора, ближайшего к нам портового города. Встречаясь с ними, я часто рассказывал им о двух моих поездках к берегам Гвинеи, о том, как ведется торговля с тамошними неграми и как легко там за безделицу – за какие-нибудь бусы, игрушки, ножи, ножницы, топоры, стекляшки и тому подобные мелочи – приобрести не только золотой песок и слоновую кость и прочее, но даже в большом количестве негров-невольников для работы в Бразилии.

Мои рассказы они слушали очень внимательно, в особенности когда речь заходила о покупке негров. В то время, надо заметить, торговля невольниками была весьма ограничена, и для нее требовалось так называемое «асьенто», то есть разрешение от испанского или португальского короля; поэтому негров-невольников было мало и стоили они чрезвычайно дорого.

Как-то раз собралась большая компания: я и несколько человек моих знакомых – плантаторов и купцов, и мы оживленно беседовали на эту тему. На следующее утро трое из моих собеседников явились ко мне и объявили, что, пораздумав хорошенько над тем, что я им рассказал накануне, они пришли ко мне с секретным предложением. Затем, взяв с меня слово, что все, что я от них услышу, останется между нами, они сказали, что у всех у них, как и у меня, есть плантации и что ни в чем они так не нуждаются, как в рабочих руках. Поэтому они хотят снарядить корабль в Гвинею за неграми. Но так как торговля невольниками связана с затруднениями и им невозможно будет открыто продавать негров по возвращении в Бразилию, то они думают ограничиться одним рейсом, привезти негров тайно, а затем поделить их между собой для своих плантаций. Вопрос был в том, соглашусь ли я поступить к ним на судно в качестве судового приказчика, то есть взять на себя закупку негров в Гвинее. Они предложили мне одинаковое с другими количество негров, причем мне не нужно было вкладывать в это предприятие ни гроша.

Нельзя отрицать заманчивости этого предложения, если бы оно было сделано человеку, не имеющему собственной плантации: за ней нужен был присмотр, в нее вложен был значительный капитал, и со временем она обещала приносить большой доход. Но для меня, владельца такой плантации, кому стоило только еще года три-четыре продолжить начатое, вытребовав из Англии остальную часть своих денег – вместе с этим маленьким добавочным капиталом мое состояние достигло бы трех-четырёх тысяч фунтов стерлингов и продолжало бы возрастать, – для меня помышлять о подобном путешествии было величайшим безрассудством.

Но мне на роду было написано стать виновником собственной гибели. Как прежде я оказался не в силах побороть своих бродяжнических наклонностей и добрые советы отца пропали втуне, так и теперь я не мог устоять против сделанного мне предложения. Короче говоря, я отвечал плантаторам, что с радостью поеду в Гвинею, если в мое отсутствие они возьмут на себя присмотр за моим имуществом и распорядятся им по моим указаниям в случае, если я не вернусь. Они торжественно обещали мне это, скрепив наш договор письменным обязатель-

ством, я же, со своей стороны, сделал формальное завешание на случай моей смерти: свою плантацию и движимое имущество я отказывал португальскому капитану, который спас мне жизнь, но с оговоркой, чтобы он взял себе только половину моей движимости, а остальное отослал в Англию.

Словом, я принял все меры для сохранения моей движимости и поддержания порядка на моей плантации. Прояви я хоть малую часть столь мудрой предусмотрительности в вопросе о собственной выгоде, составь я столь же ясное суждение о том, что я должен и чего не должен делать, я, наверное, никогда бы не бросил столь удачно начатого и многообещающего предприятия, не пренебрег бы столь благоприятными видами на успех и не пустился бы в море, с которым неразлучны опасности и риск, не говоря уже о том, что у меня были особые причины ожидать от предстоящего путешествия всяких бед.

Но меня торопили, и я слепо повиновался внушениям моей фантазии, а не голосу рассудка. Итак, корабль был снаряжен, нагружен подходящим товаром, и все устроено по взаимному соглашению участников экспедиции. В недобрый час, 1 сентября 1659 года, я взошел на корабль. Это был тот самый день, в который восемь лет тому назад я убежал от отца и матери в Гулле, тот день, когда я восстал против родительской власти и так неразумно распорядился своею судьбой.

Наше судно было вместимостью около ста двадцати тонн; на нем было шесть пушек и четырнадцать человек экипажа, не считая капитана, юнги и меня. Тяжелого груза у нас не было; весь он состоял из разных мелких вещиц, какие обыкновенно употребляются для меновой торговли с неграми: из ножниц, ножей, топоров, зеркалец, стекляшек, раковин, бус и тому подобной дешевки.

Как уже сказано, я сел на корабль 1 сентября, и в тот же день мы снялись с якоря. Сначала мы направились к северу вдоль побережья, рассчитывая свернуть к Африканскому материку, когда пойдем до десятого или двенадцатого градуса северной широты: таков в те времена был обыкновенный курс судов. Все время, покуда мы держались наших берегов, до самого мыса Святого Августина, стояла прекрасная погода, было только чересчур жарко. От мыса Святого Августина мы повернули в открытое море, как если бы держали курс на остров Фернандо ди Норонья, то есть на северо-восток, и вскоре потеряли из виду землю. Остров Фернандо остался у нас по правой руке. После двенадцатидневного плавания мы пересекли экватор и находились, по последним наблюдениям, под $7^{\circ}22'$ северной широты, когда на нас неожиданно налетел жестокий торнадо, то есть ураган. Он начался с юго-востока, потом пошел в обратную сторону и наконец задул с северо-востока с такою ужасающей силой, что в течение двенадцати дней мы могли только носиться по ветру и, отдавшись на волю судьбы, плыть, куда нас гнала ярость стихий. Нечего и говорить, что все эти двенадцать дней я ежечасно ожидал смерти, да и никто на корабле не чаял остаться в живых.

Но наши беды не ограничились страхом бури: один из наших матросов умер от тропической лихорадки, а двоих – матроса и юнгу – смыло с палубы. На двенадцатый день шторм стал стихать, и капитан произвел по возможности точное вычисление. Оказалось, что мы находимся приблизительно под 11° северной широты, но что нас отнесло на 22° к западу от мыса Святого Августина. Мы были теперь недалеко от берегов Гвианы или северной части Бразилии, выше Амазонки и ближе к реке Ориноко, более известной в тех краях под именем Великой реки. Капитан спросил моего совета, куда нам взять курс. Ввиду того, что судно дало течь и едва ли годилось для дальнейшего плавания, он полагал, что лучше всего повернуть назад, к берегам Бразилии.

Но я решительно восстал против этого. В конце концов, рассмотрев карты берегов Америки, мы пришли к заключению, что до самых Карибских островов не встретим ни одной населенной страны, где можно было бы найти помощь. Поэтому мы решили держать курс на Барбадос, до которого, по нашим расчетам, можно было добраться в две недели, так как нам

пришлось бы немного уклониться от прямого пути, чтобы не попасть в течение Мексиканского залива. О том же, чтобы идти к берегам Африки, не могло быть и речи: наше судно нуждалось в починке, а экипаж – в пополнении.

Ввиду вышеизложенного мы изменили курс и стали держать на запад-северо-запад. Мы рассчитывали дойти до какого-нибудь из островов, принадлежащих Англии, и получить там помощь. Но судьба судила иначе. Когда мы достигли 12°18' северной широты, нас захватил второй шторм. Так же стремительно, как и в первый раз, мы понеслись на запад и очутились далеко от торговых путей, так что, если бы даже мы не погибли от ярости волн, у нас все равно почти не было надежды вернуться на родину и мы, вероятнее всего, были бы съедены дикарями.

Однажды ранним утром, когда мы бедствовали таким образом, – ветер все еще не сдавал, – один из матросов крикнул: «Земля!» – но не успели мы выскочить из каюты в надежде узнать, где мы находимся, как судно село на мель. В тот же миг от внезапной остановки вода хлынула на палубу стакой силой, что мы уже считали себя погибшими; стремглав бросились мы вниз в закрытые помещения, где и укрылись от брызг и пены.

Тому, кто не бывал в подобном положении, трудно себе представить, до какого отчаяния мы дошли. Мы не знали, где находимся, к какой земле нас прибило, остров это или материк, обитаемая земля или нет. А так как буря продолжала бушевать, хоть и с меньшей силой, мы не надеялись даже, что наше судно продержится несколько минут, не разбившись в щепки: разве только каким-нибудь чудом ветер вдруг переменится. Словом, мы сидели, глядя друг на друга и ежеминутно ожидая смерти, и каждый готовился к переходу в иной мир, ибо в здешнем мире нам уже нечего было делать. Единственным нашим утешением было то, что вопреки всем ожиданиям судно было все еще цело, и капитан сказал, что ветер начинает стихать.

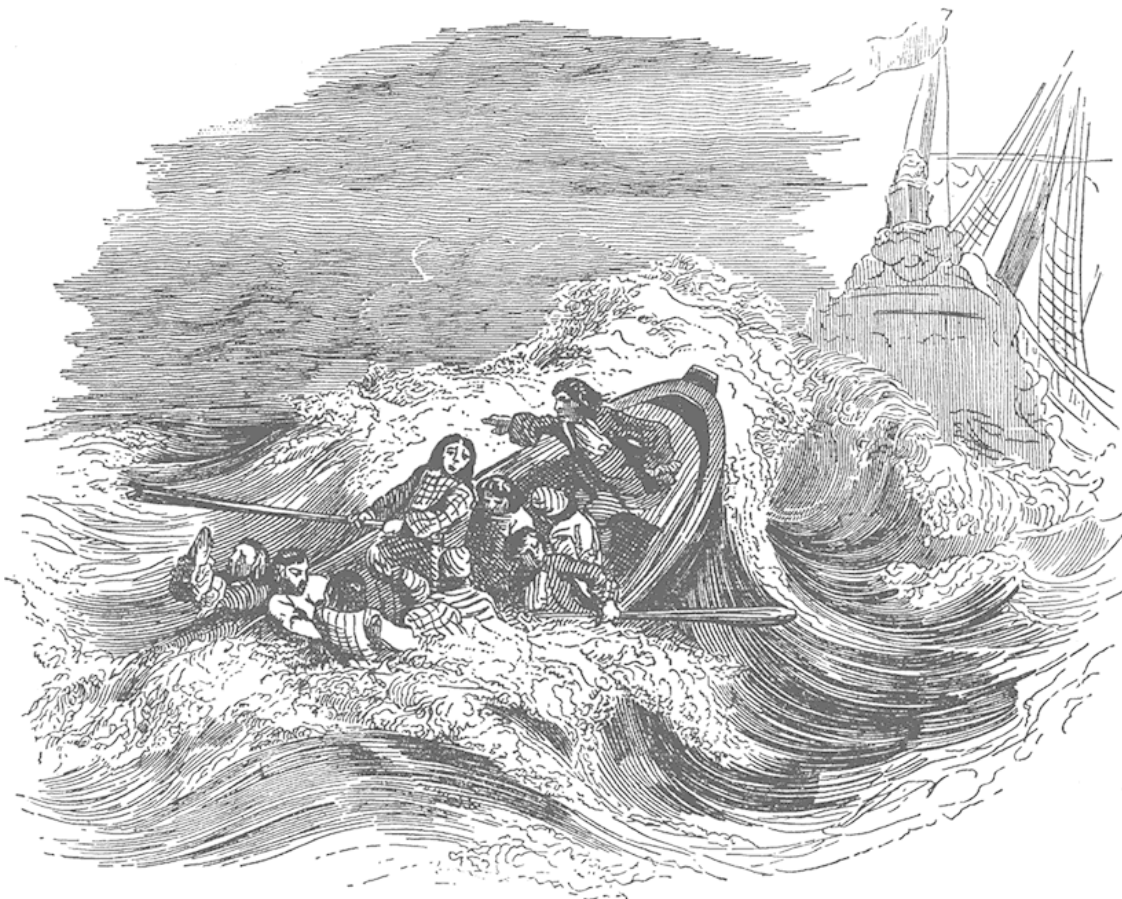
Но хотя нам показалось, что ветер немного стих, все же корабль так основательно сел на мель, что нечего было и думать сдвинуть его с места, и в этом отчаянном положении нам оставалось только позаботиться о спасении нашей жизни какой угодно ценой. У нас были две шлюпки; одна висела за кормой, но во время шторма ее разбило о руль, а потом сорвало и потопило или унесло в море. На нее нам нечего было рассчитывать. Оставалась другая шлюпка, но как спустить ее на воду? Задача казалась неразрешимой. А между тем нельзя было мешкать: корабль мог каждую минуту расколоться надвое; некоторые даже говорили, что он уже дал трещину.

В этот критический момент помощник капитана подошел к шлюпке и с помощью остальных людей экипажа перебросил ее через борт; мы все, одиннадцать человек, вошли в шлюпку, отчалили и, поручив себя милосердию Божию, отдались на волю бушующих волн; хотя шторм значительно поулегся, все-таки на берег набегали страшные валы и море могло быть по справедливости названо *den wild zee* – дикое море, как выражаются голландцы.

Наше положение было поистине плачевным: мы ясно видели, что шлюпка не выдержит такого волнения и что мы неизбежно потонем. Идти на парусе мы не могли: у нас его не было, да и все равно он был бы нам бесполезен. Мы гребли к берегу с тяжелым сердцем, как люди, идущие на казнь, мы все отлично знали, что как только шлюпка подойдет ближе к земле, ее разнесет прибоем на тысячу кусков. И, подгоняемые ветром и течением, предавши душу свою милосердию Божию, мы налегли на весла, собственноручно приближая момент нашей гибели.

Какой был перед нами берег – скалистый или песчаный, крутой или отлогий, – мы не знали. Единственной для нас надеждой на спасение была слабая возможность попасть в какую-нибудь бухточку, или залив, или в устье реки, где волнение было слабее и где мы могли бы укрыться под берегом с наветренной стороны. Но впереди не было видно ничего похожего на залив, и чем ближе подходили мы к берегу, тем страшнее казалась земля, страшнее самого моря.

Когда мы отошли, или, вернее, нас отнесло примерно мили на четыре от застрявшего корабля, огромный вал, величиной с гору, неожиданно набежал с кормы на нашу шлюпку, словно для того, чтобы последним ударом прекратить наши страдания. В один миг опрокинул он нашу шлюпку. Мы не успели крикнуть: «Боже!» – как очутились под водой, далеко и от шлюпки, и друг от друга.

Ничем не выразить смятения в моих мыслях, когда я погрузился в воду. Я отлично плаваю, но я не мог вынырнуть на поверхность и набрать в грудь воздуху, пока подхватившая меня волна, пронеся меня изрядное расстояние по направлению к берегу, не разбилась и не отхлынула назад, оставив меня на мелком месте, полумертвого от воды, которой я нахлебался. У меня хватило самообладания и сил, увидев сушу гораздо ближе, чем я ожидал, подняться на ноги и опрометью пуститься бежать в надежде достичь берега прежде, чем нахлынет и подхватит меня другая волна, но скоро я увидел, что мне от нее не уйти: море шло горой и догоняло, как разъяренный враг, бороться с которым у меня не было ни сил, ни средств. Мне оставалось только, задержав дыхание, вынырнуть на гребень волны и плыть к берегу, насколько хватит сил. Главной моей заботой было справиться по возможности с новой волной так, чтобы, поднеся меня еще ближе к берегу, она не увлекла меня за собой в своем обратном движении к морю.

Набежавшая волна скрыла меня футов на двадцать – тридцать под водой. Я чувствовал, как меня подхватило и долго, с неимоверной силой и быстротой несло к берегу. Я задержал дыхание и поплыл по течению, изо всех сил помогая ему. Я уже почти задышался, как вдруг почувствовал, что поднимаюсь кверху; вскоре, к великому моему облегчению, мои руки и голова оказались над водой, и хотя я мог продержаться на поверхности не больше двух секунд, однако успел перевести дух, и это придало мне силы и мужества. Меня снова захлестнуло, но на этот раз я пробыл под водой не так долго. Когда волна разбилась и пошла назад, я не дал

ей увлечь себя обратно и скоро почувствовал под ногами дно. Я простоял несколько секунд, чтобы отдышаться, и, собрав остаток сил, снова опрометью пустился бежать к берегу. Но и теперь я еще не ушел от ярости моря: еще два раза оно меня нагоняло, два раза меня подхватывало волной и несло все вперед, так как в этом месте берег был очень отлогий.

Последний вал едва не оказался для меня роковым: подхватив меня, он вынес, или, вернее, бросил, меня на скалу с такой силой, что я лишился чувств и оказался совершенно беспомощным: удар в бок и в грудь совсем отшиб у меня дыхание, и, если б море снова подхватило меня, я бы неминуемо захлебнулся. Но я пришел в себя как раз вовремя: увидев, что сейчас меня опять накроет волной, я крепко уцепился за выступ скалы и, задержав дыхание, решил переждать, пока волна не схлынет. Так как ближе к земле волны были уже не столь высоки, то я продержался до ее ухода. Затем я снова пустился бежать и очутился настолько близко к берегу, что следующая волна хоть и перекатилась через меня, но уже не могла поглотить и унести обратно в море. Пробежав еще немного, я, к великой моей радости, почувствовал себя на суше, вскарабкался на прибрежные скалы и опустил на траву. Здесь я был в безопасности: море не могло достать до меня.

Очутившись на земле целым и невредимым, я поднял взор к небу, возблагодарив Бога за спасение моей жизни, на что всего лишь несколько минут тому назад у меня почти не было надежды. Я думаю, что нет таких слов, которыми можно было бы изобразить с достаточной яркостью восторг души человеческой, восставшей, так сказать, из гроба, и я ничуть не удивляюсь тому, что, когда преступнику, уже с петлей на шее, в тот самый миг, как его должны вздернуть на виселицу, объявляют помилование, – повторяю, я не удивляюсь, что при этом всегда присутствует и врач, чтобы пустить ему кровь, иначе неожиданная радость может слишком сильно потрясти помилованного и остановить биение его сердца.

Внезапная радость, как скорбь: приводит в растерянность разум.

Я ходил по берегу, воздевая руки к небу и делая тысячи других жестов и движений, которых не могу и описать. Все мое существо было, если можно так выразиться, поглощено размышлениями о спасении. Я думал о своих товарищах, которые все утонули, и о том, что, кроме меня, не спаслась ни одна душа; по крайней мере никого из них я больше не видел; от них и следов не осталось, кроме трех шляп, одной матросской шапки да двух башмаков, к тому же непарных.

Взглянув в ту сторону, где стоял на мели наш корабль, я едва мог рассмотреть его за высоким прибоем, – так он был далеко, и я сказал себе: «Боже! Каким чудом мог я добраться до берега?»

Утешившись этими мыслями о благополучном избавлении от смертельной опасности, я стал осматриваться кругом, чтобы узнать, куда я попал и что мне прежде всего делать. Мое радостное настроение разом упало: я понял, что хотя я и спасся, но не избавлен от дальнейших ужасов и бед. На мне не осталось сухой нитки, переодеться было не во что; мне нечего было есть, у меня не было даже воды, чтобы подкрепить свои силы, а в будущем мне предстояло или умереть голодной смертью, или быть растерзанным хищными зверями. Но что всего ужаснее – у меня не было оружия, так что я не мог ни охотиться за дичью для своего пропитания, ни обороняться от хищников, которым вздумалось бы напасть на меня. У меня вообще не было ничего, кроме ножа, трубки да коробочки с табаком. Это было все мое достояние. При мысли об этом я пришел в такое отчаяние, что долго как сумасшедший бегал по берегу. Когда настала ночь, я с замирающим сердцем спрашивал себя, что меня ожидает, если здесь водятся хищные звери, – ведь они всегда выходят на добычу по ночам.

Единственное, что я мог тогда придумать, это взобраться на росшее поблизости толстое, ветвистое дерево, похожее на ель, но с колючками, и просидеть на нем всю ночь, а когда придет утро, решить, какою смертью лучше умереть, ибо я не видел возможности жить в этом месте. Я прошел с четверть мили от берега вглубь посмотреть, нет ли пресной воды, и, к великой моей радости, нашел ручеек. Напившись и положив в рот немного табаку, чтобы заглушить голод, я вернулся к дереву, взобрался на него и постарался устроиться таким образом, чтобы не свалиться, в случае если засну. Затем я срезал для самозащиты коротенький сук вроде дубинки, устроился поудобнее в своей новой «квартире» и от крайнего утомления уснул. Я спал так сладко, как, я думаю, не многим спалось бы на моем месте, и никогда не пробуждался от сна таким свежим и бодрым.

Когда я проснулся, было совсем светло; погода прояснилась, ветер утих, и море больше не бушевало и не вздымалось. Но меня крайне поразило то, что корабль очутился на другом месте, почти у самой той скалы, о которую меня так сильно ударило волной: за ночь его приподняло с мели приливом и пригнало сюда. Теперь он стоял не дальше мили от того места, где я провел ночь, и так как держался он почти прямо, то я решил побывать на нем, чтобы запастись самыми необходимыми вещами.

Покинув свою «квартиру», я спустился с дерева и еще раз осмотрелся кругом; первое, что я увидел, была наша шлюпка, лежавшая милях в двух вправо, на берегу, куда ее выбросило море. Я поспешил было в том направлении, думая дойти до нее, но оказалось, что путь преграждал глубоко врезывавшийся в берег заливчик шириною в полмили. Тогда я повернул назад, ибо мне было важнее попасть поскорей на корабль, где я надеялся найти что-нибудь для поддержания своего существования.

После полудня волнение на море совсем улеглось, и отлив был так низок, что мне удалось подойти к кораблю на четверть мили. Тутя снова почувствовал приступ глубокого горя, ибо мне стало ясно, что если б мы не покинули корабль, то все остались бы живы: переждав шторм, мы благополучно перебрались бы на берег и я не был бы, кактеперь, несчастным существом, совершенно лишенным человеческого общества. При этой мысли слезы выступили у меня на глазах, но слезами горю не поможешь, и я решил все-таки добраться до корабля. Раздевшись (день был нестерпимо жаркий), я вошел в воду. Но, когда я подплыл к кораблю, возникло новое затруднение: как на него взобраться? Он стоял на мелководье, весь наружу, и уцепиться было не за что. Дважды я проплыл вокруг него и во второй раз заметил недлинный канат — удивительно, как он сразу не бросился мне в глаза. Он свешивался так низко над водой, что мне, хоть и не без труда, удалось поймать его конец и взобраться на бак корабля. Судно дало течь, и трюм был полон воды; однако оно так увязло килем в песчаной или, скорее, илистой отмели, что корма была приподнята, а нос почти касался воды. Таким образом, вся кормовая часть оказалась сухой, и все, что там находилось, не пострадало от воды. Я сразу обнаружил

это, так как, разумеется, мне прежде всего хотелось узнать, что из корабельного имущества было попорчено и что уцелело. Оказалось, во-первых, что весь запас провизии был совершенно сухой, а так как меня мучил голод, то я отправился в кладовую, набил карманы сухарями и ел их на ходу, чтобы не терять времени. В кают-компании я нашел бутылку рому и отхлебнул из нее несколько хороших глотков, ибо очень нуждался в подкреплении сил для предстоящей работы.

Прежде всего мне нужна была лодка, чтобы перевезти на берег все то, что могло мне понадобится. Однако бесполезно было сидеть сложа руки и мечтать о том, чего нельзя было получить. Нужда изощряет изобретательность, и я живо принялся за дело. На корабле были запасные мачты, стеньги и реи. Из них я решил построить плот. Выбрав несколько бревен полегче, я перекинул их за борт, привязав предварительно каждое веревкой, чтобы их не унесло. Затем я спустился с корабля, притянул к себе четыре бревна, крепко связал их между собою по обоим концам, скрепив еще сверху двумя или тремя коротенькими досками, положенными накрест. Мой плот отлично выдерживал тяжесть моего тела, но для большего груза был слишком легок. Тогда я снова принялся за дело и с помощью пилы нашего корабельного плотника распилил запасную мачту на три куска, которые и приладил к своему плоту. Эта работа стоила мне невероятных усилий, но желание запастись по возможности всем необходимым для жизни поддерживало меня, и я сделал то, что при других обстоятельствах мне было бы не под силу.

Теперь мой плот был достаточно крепок и мог выдержать порядочную тяжесть. Первым делом было нагрузить его и уберечь мой груз от морского прибоя. Над этим я раздумывал недолго. Прежде всего я положил на плот все доски, какие нашлись на корабле; на эти доски я спустил три сундука, принадлежащих нашим матросам, предварительно взломав в них замки и опорожнив их. Затем, прикинув в уме, что из вещей могло мне понадобится больше всего, я отобрал эти вещи и наполнил ими все три сундука. В один я сложил съестные припасы: хлеб, рис, три круга голландского сыру, пять больших кусков вяленой козлятины, служившей нам главной пищей, и остатки зерна для домашней птицы, которую мы взяли с собой на судно и давно уже съели. Это был ячмень, перемешанный с пшеницей; к великому моему разочарованию, он, как выяснилось позднее, оказался попорченным крысами. Я нашел несколько ящиков бутылок, принадлежавших нашему шкиперу; в их числе несколько бутылок с крепкими напитками и в общей сложности около пяти или шести галлонов сухого испанского вина. Все эти ящики я поставил прямо на плот, так как в сундуках они бы не поместились, да и надобности не было их прятать. Между тем, пока я был занят погрузкой, начался прилив, и, к великому моему огорчению, я увидел, что мой камзол, рубашку и жилет, оставленные мною на берегу, унесло в море. Таким образом, у меня остались из платья только чулки да штаны (полотняные и коротенькие, до колен), которых я не снимал. Это заставило меня подумать о том, чтобы запастись одеждой. На корабле было немало всякой одежды, но я взял пока только то, что было необходимо в данную минуту: меня гораздо больше соблазняло многое другое, и прежде всего рабочие инструменты. После долгих поисков я нашел ящик нашего плотника, и это была для меня поистине драгоценная находка, которой я не отдал бы в то время за целый корабль с золотом. Я поставил на плот этот ящик, как он был, даже не заглянув в него, так как мне было приблизительно известно, какие в нем инструменты.

Теперь мне осталось запастись оружием и зарядами. В кают-компании я нашел два прекрасных охотничьих ружья и два пистолета, которые и переправил на плот вместе с пороховницей, небольшим мешком с дробью и двумя старыми, заржавленными саблями. Я знал, что у нас было три бочонка пороху, но не знал, где их хранил наш канонир. Однако, поискав хорошенько, я нашел все три. Один оказался подмокшим, а два были совершенно сухи, и я перетаскил их на плот вместе с ружьями и саблями. Теперь мой плот был достаточно нагружен, и

я начал думать, как мне добраться до берега без паруса, без весел и без руля, – ведь довольно было самого слабого порыва ветра, чтобы опрокинуть все мое сооружение.

Три обстоятельства ободряли меня: во-первых, полное отсутствие волнения на море; во-вторых, прилив, который должен был гнать меня к берегу; в-третьих, небольшой ветерок, дувший тоже к берегу и, следовательно, попутный. Итак, разыскав два или три сломанных весла от корабельной шлюпки, прихватив еще две пилы, топор и молоток (кроме тех инструментов, что были в ящике), я пустился в море. С милю или около того мой плот шел отлично; я заметил только, что его относит от того места, куда накануне меня выбросило море. Это навело меня на мысль, что там, должно быть, береговое течение и что, следовательно, я могу попасть в какой-нибудь заливчик или речку, где мне будет удобно пристать с моим грузом.

Как я предполагал, так и вышло. Вскоре передо мной открылась маленькая бухточка, и меня быстро понесло к ней. Я правил, как умел, стараясь держаться середины течения. Но тут, будучи совершенно незнаком с фарватером этой бухточки, я чуть вторично не потерпел кораблекрушение, и, если бы это случилось, я, право, кажется, умер бы с горя. Мой плот неожиданно наскочил одним краем на отмель, а так как другой его край не имел точки опоры, то он сильно накренился; еще немного, и весь мой груз съехал бы в эту сторону и свалился бы в воду. Я изо всех сил уперся спиной и руками в мои сундуки, стараясь удержать их на месте, но не мог столкнуть плот, несмотря на все усилия. С полчаса, не смея шевельнуться, простоял я в этой позе, покамест прибывшая вода не приподняла немного опустившийся край плота, а спустя некоторое время вода поднялась еще выше, и плот сам сошел с мели. Тогда я оттолкнул плот веслом на середину фарватера и, отдавшись течению, которое было здесь очень быстрое, вошел наконец в бухточку, или, вернее, в устье небольшой реки с высокими берегами. Я стал осматриваться, отыскивая, где бы мне лучше пристать: мне не хотелось слишком удаляться от моря, ибо я надеялся когда-нибудь увидеть на нем корабль, и потому решил обосноваться как можно ближе к берегу.

Наконец на правом берегу я высмотрел крошечный заливчик, к которому и направил свой плот. С большим трудом провел я его поперек течения и вошел в заливчик, упираясь в дно веслами. Но здесь я снова рисковал вывалить весь мой груз: берег был настолько крут, что если б только мой плот наехал на него одним концом, то неминуемо бы наклонился к воде другим и моя поклажа была бы в опасности. Мне оставалось только ждать полного прилива. Высмотрев удобное местечко, где берег заканчивался ровной площадкой, я пододвинул туда плот и, упираясь в дно веслом, держал его на якоре; я рассчитывал, что прилив покроет эту площадку водой. Так и случилось. Когда вода достаточно поднялась – мой плот сидел в воде на целый фут, – я втокнул его на площадку, укрепил с двух сторон при помощи весел, воткнув их в дно, и стал дожидаться отлива. Таким образом, мой плот со всем грузом оказался на сухом берегу.

Следующей моей заботой было осмотреть окрестности и выбрать себе защищенное от всяких случайностей удобное местечко для жилья, где бы я мог сложить свое добро. Я все еще не знал, куда я попал: на материк или на остров, в населенную или в необитаемую страну; не знал, грозит ли мне опасность со стороны хищных зверей или нет. Приблизительно в полу-миле от меня виднелся холм, крутой и высокий, по-видимому, господствовавший над грядой возвышенностей, тянувшейся к северу. Захватив охотничье ружье, пистолет и пороховницу, я отправился на разведку. Когда я взобрался на вершину холма (что стоило мне немалых усилий), мне стала ясна моя горькая участь: я был на острове, со всех сторон простиралось море и вокруг не было и признака земли, если не считать нескольких торчавших в отдалении скал да двух маленьких островов, поменьше моего, лежавших милях в десяти к западу.

Я сделал и другие открытия: мой остров был совершенно неводелан и, судя по всем признакам, необитаем. Может быть, на нем и жили хищные звери, но пока я ни одного не видел. Зато пернатые водились во множестве, но все неизвестных мне пород, так что потом, когда мне случалось убить дичь, я никогда не мог определить по виду, годится ли она в пищу или нет. Спускаясь с холма, я подстрелил большую птицу, сидевшую на дереве у опушки леса. Я думаю, что это был первый выстрел, раздавшийся здесь с сотворения мира: не успел я выстрелить, как над рощей взвилась туча птиц; каждая из них кричала по-своему, но ни один из криков не походил на крики, известные мне. Что касается убитой мною птицы, по-моему, это была разновидность нашего ястреба: она очень напоминала его окраской перьев и формой клюва, только когти у нее были гораздо короче. Ее мясо отдавало падалью и не годилось в пищу.

Удовольствовавшись этими открытиями, я воротился к плоту и принялся перетаскивать вещи на берег. Это заняло у меня весь остаток дня. Я не знал, как и где устроиться мне на ночь. Лечь прямо на землю я боялся, не будучи уверен, что меня не загрызет какой-нибудь хищник. Впоследствии оказалось, что эти страхи были напрасны.

Наметив на берегу местечко для ночлега, я загородил его со всех сторон сундуками и ящиками, а внутри этой ограды соорудил из досок нечто вроде шалаша. Что касается пищи,

то я не знал еще, как буду добывать себе впоследствии пропитание: кроме птиц да двух каких-то зверьков вроде нашего зайца, выскочивших из рощи при звуке моего выстрела, никакой живности я здесь не видел. Но теперь я думал только о том, как бы забрать с корабля все, что там оставалось и что могло мне пригодиться, и прежде всего паруса и канаты. Поэтому я решил, если ничто не помешает, предпринять второй рейс на корабль. А так как я знал, что при первой же буре его разобьет в щепки, то предпочел отложить другие дела, пока не переправлю на берег все, что только смогу взять. Я стал держать совет (с самим собой, конечно), брать ли мне плот. Это показалось мне непрактичным, и, дождавшись отлива, я пустился в путь, как в первый раз. Только теперь я разделся в шалаше, оставшись в одной нижней клетчатой рубашке, в полотняных кальсонах и в туфлях на босу ногу.

Как и в первый раз, я взобрался на корабль по канату; затем построил новый плот. Но, умудренный опытом, я сделал его не таким неповоротливым, как первый, и не так тяжело нагрузил. Впрочем, я все-таки перевез на нем много полезных вещей. Во-первых, все, что нашлось в запасах нашего плотника, а именно: два или три мешка с гвоздями (большими и мелкими), отвертку, десятка два топоров, а главное, такую полезную вещь, как точило. Затем я взял несколько вещей из склада нашего канонира, в том числе три железных лома, два бочонка с ружейными пулями, семь мушкетов, еще одно охотничье ружье и немного пороху, затем большой мешок с дробью и сверток листового свинца. Впрочем, последний оказался таким тяжелым, что у меня не хватило силы поднять и спустить его на плот.

Кроме перечисленных вещей, я взял с корабля всю одежду, какую нашел, да прихватил еще запасной парус, подвесную койку и несколько тюфяков и подушек. Все это я погрузил на плот и, к великому моему удовольствию, перевез на берег в целости.

Отправляясь на корабль, я немного побаивался, как бы в мое отсутствие какие-нибудь хищники не уничтожили моих съестных припасов. Но, воротившись на берег, я не заметил никаких следов непрошенных гостей. Только на одном из сундуков сидел какой-то зверек, очень похожий на дикую кошку. При моем приближении он отбежал в сторону и остановился, потом присел на задние лапы совершенно спокойно, без всякого страха, смотрел мне прямо в глаза, точно выражая желание познакомиться со мной. Я прицелился в него из ружья, но это движение было, очевидно, ему непонятно; он нисколько не испугался, даже не тронулся с места. Тогда я бросил ему кусочек сухаря, хотя не особенно-то мог быть расточительным, так как мой запас провизии был очень невелик. Тем не менее я уделил ему этот кусочек. Он подошел, обнюхал его, съел, облизнулся и с довольным видом ждал повторного угощения, но я поблагодарил за честь и больше ничего ему не дал; тогда он ушел.

Доставив на берег свой второй груз, я хотел открыть тяжелые бочонки с порохом и перенести его частями, однако принялся сначала за сооружение палатки. Я сделал ее из паруса и жердей, которые для этой цели нарезал в роще. В палатку я перенес все, что могло испортиться от солнца и дождя, а вокруг нее нагромоздил пустые ящики и бочки на случай внезапного нападения людей или зверей.

Вход в палатку я загородил снаружи большим сундуком, поставив его боком, а изнутри заложил досками. Затем разостлал на земле постель, в головах положил два пистолета, рядом с тюфяком – ружье и лег. Со дня кораблекрушения я в первый раз провел ночь в постели. От изнеможения я проспал до утра как убитый, и не мудрено: в предыдущую ночь я почти не спал, а весь день работал, сперва над погрузкой вещей с корабля на плот, а потом переправляя их на берег.

Никто, я думаю, не устраивал для себя такого огромного склада, какой был устроен мною. Но мне все было мало: пока корабль был цел и стоял на прежнем месте, пока на нем оставалась хоть одна вещь, которой я мог воспользоваться, я считал необходимым пополнять свои запасы. Каждый день с наступлением отлива я отправлялся на корабль и что-нибудь привозил с собою. Особенно удачным было третье мое путешествие. Я разобрал все снасти, взял с собою весь

мелкий такелаж (и трос, и бечевки, какие могли уместиться на плоту). Я захватил также большой кусок запасной парусины, служившей у нас для починки парусов, и бочонок с подмокшим порохом, который я было оставил на корабле. В конце концов я переправил на берег все паруса до последнего; только мне пришлось разрезать их на куски и перевозить по частям; как паруса они были уже непригодны, и вся их ценность для меня заключалась в парусине.

Но вот чему я обрадовался еще больше. После пяти или шести таких экспедиций, когда я думал, что на корабле уже нечем больше поживиться, я неожиданно нашел в трюме большую кадку с сухарями, три бочонка рому, ящик с сахаром и бочонок превосходной муки. Это был приятный сюрприз: я больше не рассчитывал найти на корабле какую-нибудь провизию, будучи уверен, что все оставшиеся там запасы подмокли. Сухари я вынул из бочки и перенес на плот по частям, завертывая в парусину. Все это мне удалось благополучно доставить на берег.

На следующий день я предпринял новую поездку. Теперь, забрав с корабля решительно все вещи, какие под силу поднять одному человеку, я принялся за канаты. Каждый канат я разрезал на куски такой величины, чтобы мне было не слишком трудно управиться с ними, и перевез на берег два каната и швартовы. Кроме того, я взял с корабля все железные части, какие мог отделить. Затем, обрубив оставшиеся рей, я построил из них плот побольше, погрузил на него все эти тяжелые вещи и пустился в обратный путь. Но на этот раз счастье мне изменило: мой плот был так неповоротлив и так сильно нагружен, что мне было очень трудно им управлять. Войдя в бухточку, где было выгружено мое остальное имущество, я не сумел провести его так искусно, как прежние: плот опрокинулся, и я упал в воду со всем своим грузом. Что касается меня, то беда была невелика, так как это случилось почти у самого берега, но груз мой, по крайней мере значительная часть его, пропал, главное – железо, которое очень бы мне пригодилось и о котором я особенно жалел. Впрочем, когда вода спала, я вытащил на берег почти все куски каната и несколько кусков железа, хотя и с великим трудом: я принужден был нырять за каждым куском, и это меня очень утомляло. В дальнейшем мои посещения корабля повторялись ежедневно, и каждый раз я привозил новую добычу.

Уже тринадцать дней я жил на острове и за это время побывал на корабле одиннадцать раз, переправив на берег решительно все, что в состоянии перетащить пара человеческих рук. Если бы тихая погода продержалась подольше, я убежден, что перевез бы весь корабль по кусочкам, но, делая приготовления к двенадцатому рейсу, я заметил, что подымается ветер. Тем не менее, дождавшись отлива, я отправился на корабль. Я уже так основательно обшарил нашу каюту, что казалось, там ничего невозможно было найти; но тут я заметил шкафчик с двумя ящиками: в одном я нашел две-три бритвы, большие ножницы и с дюжину хороших вилок и ножей; в другом оказались деньги – около тридцати шести фунтов частью европейской, частью бразильской серебряной и золотой монетой.

Я улыбнулся при виде этих денег. «Ненужный хлам, – проговорил я, – зачем ты мне теперь? Ты и того не стоишь, чтобы нагнуться и поднять тебя с полу. Всю эту кучу золота я готов отдать за любой из этих ножей. Мне нечего с тобой делать. Так оставайся же, где лежишь, отправляйся на дно морское, как существо, чью жизнь не стоит спасать!» Однако ж, поразмыслив, я все же взял деньги с собой; и, завернув их в кусок парусины, стал обдумывать, как соорудить еще один плот. Но пока я собирался, небо нахмурилось, ветер, дувший с берега, начал крепчать, и через четверть часа совсем засвежело. При береговом ветре плот был бы мне не нужен; к тому же надо было спешить добраться до берега, пока не началось большое волнение, ибо иначе мне бы и совсем на него не попасть. Я, не теряя времени, спустился в воду и поплыл. То ли от тяжести бывших на мне вещей, то ли оттого, что мне приходилось бороться со встречным течением, у меня едва хватило сил переплыть полосу воды, отделявшую корабль от моей бухточки. Ветер крепчал с каждой минутой и еще до начала отлива превратился в настоящий шторм.

Но к этому времени я был уже дома, в безопасности, со всем моим богатством, и лежал в палатке. Всю ночь ревела буря, и когда поутру я выглянул из палатки, от корабля не осталось и следов! В первую минуту это неприятно меня поразило, но я утешился мыслью, что, не теряя времени и не щадя сил, достал оттуда все, что могло мне пригодиться; будь даже в моем распоряжении больше времени, мне уже почти нечего было бы взять с корабля.

Итак, я больше не думал ни о корабле, ни о вещах, какие на нем еще остались. Правда, после бури могло прибить к берегу кое-какие обломки. Так оно потом и случилось. Но от всего этого мне было мало пользы.

Мои мысли были теперь всецело поглощены тем, как мне обезопасить себя от дикарей, если таковые окажутся, и от зверей, если они водятся на острове. Я долго раздумывал, каким способом достигнуть этого и какое мне лучше устроить жилище: выкопать ли в земле пещеру или поставить на земле палатку? В конце концов я решил сделать и то и другое и полагаю, будет нелишним рассказать о моих работах и описать мое жилище.

Я скоро убедился, что выбранное мною место на берегу не годится для поселения: это была низина, у самого моря, с болотистой почвой и, вероятно, нездоровая, но главное, поблизости не было пресной воды. Поэтому я решил поискать другое место, более здоровое и более удобное для жилья.

При этом я должен был сообразоваться с некоторыми необходимыми в моем положении условиями. Во-первых, мое жилище должно быть расположено в здоровой местности и поблизости от пресной воды; во-вторых, оно должно укрывать от солнечного зноя; в-третьих, должно быть защищено от нападения хищников, как двуногих, так и четвероногих, и наконец, в-четвертых, из него должно быть видно море, чтобы мне не упустить случая спастись, если Бог пошлет какой-нибудь корабль, ибо мне не хотелось отказаться от надежды на избавление.

После довольно долгих поисков я нашел наконец небольшую ровную полянку на скате высокого холма, под крутым, отвесным, как стена, обрывом, так что ничто мне не грозило сверху. В этой отвесной стене было небольшое углубление, как будто бы вход в пещеру, но никакой пещеры или входа в скалу дальше не было.

Вот на этой-то зеленой полянке, возле самого углубления, я и решил разбить свою палатку. Площадка имела не более ста ярдов в ширину и ярдов двести в длину, так что перед моим жильем тянулась как бы лужайка, в конце ее холм спускался неправильными уступами в низину, к берегу моря. Расположен был этот уголок на северо-западном склоне холма. Таким образом, он был в тени весь день до вечера, когда солнце переходит на юго-запад, то есть близится к закату (я разумею, в тех широтах).

Прежде чем ставить палатку, я начертил перед углублением полукруг радиусом ярдов в десять, следовательно, ярдов двадцать в диаметре.

Затем по всему полукругу я набил в два ряда крепкие колья, прочно, как сваи, заколов их в землю. Верхушки кольев я заострил. Мой частокол вышел около пяти с половиной футов вышиной; между двумя рядами кольев я оставил не более шести дюймов свободного пространства.

Весь этот промежуток между кольями я заполнил до самого верху обрезками канатов, взятых с корабля, сложив их рядами один на другой, а изнутри укрепил ограду подпорками, для которых приготовил колья потолще и покороче (около двух с половиной футов длиной). Ограда вышла у меня прочная: ни пролезть сквозь нее, ни перелезть через нее не могли ни человек, ни зверь. Эта работа потребовала от меня много времени и труда; особенно тяжело было рубить колья в лесу, перетаскивать их на место постройки и вколачивать в землю.

Для входа в это огороженное место я устроил не дверь, но короткую лестницу через частокол; входя к себе, я убирал лестницу и в этом укреплении чувствовал себя накрепко отгороженным от внешнего мира и спокойно спал ночью, что при иных условиях, как мне казалось,

было бы невозможно; впрочем, впоследствии выяснилось, что не было никакой нужды принимать столько предосторожностей против врагов, созданных моим воображением.

С неимоверным трудом перетащил я к себе в загородку, или в крепость, все свои богатства: провизию, оружие и прочее, перечисленное выше. Затем я поставил в ней большую палатку. Чтобы укрываться от дождей, которые в тропических странах в известное время года бывают очень сильны, я сделал палатку двойную, то есть сначала разбил одну палатку, поменьше, а над ней поставил другую, побольше, которую накрыл сверху брезентом, захваченным мною с корабля вместе с парусами.

Теперь я спал уже не на подстилке, брошенной прямо на землю, а на удобной подвесной койке, принадлежавшей помощнику нашего капитана. Я перенес в палатку съестные припасы и все, что могло испортиться от дождя, и только когда добро мое было укрыто внутри ограды, я наглухо заделал отверстие, через которое входил и выходил, и стал пользоваться приставной лестницей.

Заделав ограду, я принялся рыть пещеру в горе. Вырытые камни и землю я стаскивал через палатку в дворик и делал из них внутри ограды род насыпи, так что почва в дворике поднялась фута на полтора. Пещера приходилась как раз за палаткой и служила мне погребом.

Понадобилось много дней и много труда, чтобы довести до конца все эти работы. За это время многое другое занимало мои мысли и случилось несколько происшествий, о которых я хочу рассказать. Как-то раз, когда я приготовился ставить палатку и рыть пещеру, вдруг из большой темной тучи хлынул проливной дождь. Потом блеснула молния и раздался страшный раскат грома. В этом, конечно, не было ничего необыкновенного, и меня испугала не столько сама молния, сколько мысль, быстрее молнии промелькнувшая в моем мозгу: «Мой порох!» У меня замерло сердце, когда я подумал, что весь мой порох может быть уничтожен одним ударом молнии, а ведь от него зависит не только моя безопасность, но и возможность добывать себе пищу. Мне даже в голову не пришло, какой опасности в случае взрыва подвергался я сам, хотя, если бы порох взорвался, я уже, наверное, никогда бы об этом не узнал.

Этот случай произвел на меня такое сильное впечатление, что, как только гроза прекратилась, я отложил на время все работы по устройству и укреплению моего жилища и принялся делать мешочки и ящики для пороха. Я решил разделить его на части и хранить понемногу в разных местах, чтобы он ни в коем случае не мог вспыхнуть весь сразу и самые части не могли бы воспламениться друг от друга. Эта работа заняла у меня почти две недели. Всего пороху у меня было около двухсот сорока фунтов. Я разложил его по мешочкам и по ящикам, разделив по меньшей мере на сто частей. Мешочки и ящики я запрятал в расселины горы в таких местах, куда никоим образом не могла проникнуть сырость, и тщательно отметил каждое место. За бочонок с подмокшим порохом я не боялся и потому поставил его в свою пещеру, или «кухню», как я ее мысленно называл.

Занимаясь возведением своей ограды, я по крайней мере раз в день выходил из дому с ружьем, отчасти ради развлечения, отчасти чтоб подстрелить какую-нибудь дичь и поближе ознакомиться с природными богатствами острова. В первую же свою прогулку я сделал открытие, что на острове водятся козы, и очень этому обрадовался; беда лишь в том, что эти козы были столь пугливы, столь чутки и проворны, что подкрасться к ним было труднейшим на свете делом. Меня, однако, это не обескуражило, я не сомневался, что рано или поздно подстрелю одну из них, что вскорости и случилось. Когда я выследил места, служившие им привалом, то подметил следующее: если они были на горе, а я появлялся под ними в долине, все стадо в испуге кидалось прочь от меня; но если случалось, что я был на горе, а козы паслись в долине, тогда они не замечали меня. Это привело меня к заключению, что глаза этих животных не приспособлены для того, чтобы смотреть вверх, и что, следовательно, они часто не видят того, что происходит над ними. С этих пор я стал придерживаться такого способа: я всегда

взбирался сначала на какую-нибудь скалу, чтобы быть над ними, и тогда мне часто удавалось подстрелить животное.

Первым же выстрелом я убил козу, которая, как оказалось, кормила козленка; это очень меня огорчило; когда мать упала, козленок так и остался смирно стоять рядом с нею. Мало того, когда я подошел к убитой козе, взвалил ее на плечи и понес домой, козленок побежал за мной, и так мы дошли до самого дома. У ограды я положил козу на землю, взял в руки козленка и перенес его через частокол в надежде вырастить его и приручить, но он еще не умел жевать, и я был принужден зарезать и съесть его. Мне надолго хватило мяса этих двух животных, потому что ел я мало, стараясь по возможности сберечь свои запасы, в особенности хлеб.

После того как я окончательно обосновался в своем новом жилище, самым неотложным для меня делом было устроить какой-нибудь очаг, в котором можно было бы разводить огонь, а также запастись дровами. О том, как я справился с этой задачей, а равно о том, как я пополнил запасы в своем погребе и как постепенно окружил себя некоторыми удобствами, я подробно

расскажу в другой раз, теперь же мне хотелось бы поговорить о себе, рассказать, какие мысли в то время меня посещали. А их, само собой разумеется, было немало.

Мое положение представлялось мне в самом мрачном свете. Меня забросило бурей на необитаемый остров, который лежал далеко от места назначения нашего корабля и за много сотен миль от обычных торговых морских путей, и я имел все основания прийти к заключению, что так было предопределено небом, чтобы здесь, в этом печальном месте, в безысходной тоске одиночества я и окончил свои дни. Глаза мои наполнялись слезами, когда я думал об этом, и не раз недоумевал я, почему Провидение губит им же созданные существа, бросает их на произвол судьбы, оставляет без всякой поддержки и делает столь безнадежно несчастными, повергает в такое отчаяние, что едва ли можно быть признательным за подобную жизнь.

Но всякий раз что-то быстро останавливало во мне мысли и укоряло за них. Особенно запомнился мне один такой день, когда я в глубокой задумчивости бродил с ружьем по берегу моря и думал о своей горькой доле. И вдруг во мне заговорил голос разума. «Да, – сказал этот голос, – положение твое незавидно: ты одинок – это правда. Но вспомни: где ты, что было с тобой? Ведь в лодку сели одиннадцать человек, где же остальные десять? Почему они не спаслись, а ты не погиб? За что тебе такое предпочтение? И как ты думаешь, где лучше – здесь или там?» И я взглянул на море. Стало быть, во всяком зле можно найти добро, стоит только подумать, что могло быть и хуже.

Тут мне снова ясно представилось, как хорошо я обеспечил себя всем необходимым и что было бы со мной, если бы – а так и должно было случиться в девяноста девяти случаях из ста – наш корабль не сдвинуло с того места, где он сначала сел на мель, и не пригнало близко к берегу, и я не успел бы захватить все нужные мне вещи. Что было бы со мной, если б мне пришлось жить на этом острове так, как я провел на нем первую ночь, – без крова, без пищи и без всяких средств добыть то и другое?

– В особенности, – произнес я вслух (самому себе, конечно), – что стал бы я делать без ружья и без зарядов, без инструментов? Как бы я жил здесь один, если бы у меня не было ни постели, ни одежды, ни палатки, где бы можно было укрыться?

Теперь же всего этого было у меня вдоволь, и я даже не боялся смотреть в глаза будущему: я знал, что к тому времени, когда выйдут мои запасы зарядов и пороха, у меня будет в руках другое средство добывать себе пищу. Я спокойно проживу без ружья до самой смерти, ибо с первых же дней моего житья на острове я задумал обеспечить себя всем необходимым на то время, когда у меня не только истощится весь мой запас пороха и зарядов, но и начнут мне изменять здоровье и силы.

Сознаюсь: я совершенно упустил из виду, что мои огнестрельные запасы могут быть уничтожены одним ударом, что молния может поджечь и взорвать мой порох. Вот почему я был так поражен, когда у меня мелькнула эта мысль во время грозы.

И теперь, приступая к печальному повествованию об отшельнической жизни, быть может, самой удивительной из когда-либо описанных, я начну с самого начала и буду рассказывать по порядку.

Было, по моему счету, 30 сентября, когда нога моя впервые ступила на ужасный остров. Произошло это, стало быть, во время осеннего равноденствия; а в тех широтах (то есть, по моим вычислениям, на 9°22' к северу от экватора) солнце в этом месяце стоит почти прямо над головой.

Прошло дней десять-двенадцать моего житья на острове, и я вдруг сообразил, что потеряю счет времени из-за отсутствия книг, перьев и чернил и что в конце концов я даже перестану отличать будни от воскресных дней. Чтобы избежать этого, я водрузил большой деревянный столб на том месте берега, куда меня выбросило море, и вырезал на доске ножом крупными буквами надпись: «Здесь я ступил на берег 30 сентября 1659 года», которую прибил накрест к столбу. По сторонам этого столба я каждый день делал ножом зарубку, а через каждые шесть

зарубок делал одну подлиннее: это означало воскресенье; зарубки же, обозначавшие первое число каждого месяца, я делал еще длиннее. Таким образом я вел мой календарь, отмечая дни, недели, месяцы и годы.

Перечисляя предметы, привезенные мною с корабля, как было сказано выше, в несколько приемов, я не упомянул о многих мелких вещах, хотя и не особенно ценных, но сослуживших мне тем не менее хорошую службу. Так, например, в каютах капитана, его помощника, артиллериста и плотника я нашел чернила, перья и бумагу, три или четыре компаса, некоторые астрономические приборы, хронометры, подзорные трубы, географические карты и книги по навигации. Все это я сложил в один из сундуков на всякий случай, не зная даже, понадобится ли мне что-нибудь из этих вещей. Кроме того, в моем собственном багаже оказались три Библии в хороших изданиях (я получил их из Англии вместе с выписанными мною товарами и, отправляясь в плавание, уложил вместе со своими вещами). Затем мне попало несколько книг на португальском языке, в том числе три католических молитвенника, и еще какие-то книги. Их я тоже забрал. Я должен еще упомянуть, что у нас на корабле были собака и две кошки (я расскажу в свое время любопытную историю жизни этих животных на острове). Кошка переезжала на берег на плоту, собака же еще в первую мою экспедицию на корабль сама прыгнула в воду и поплыла следом за мной. Много лет она была мне верным товарищем и слугой. Она делала для меня все, что могла, и почти заменяла мне человеческое общество. Мне хотелось бы только, чтобы она могла говорить, но это ей не было дано. Как уже сказано, я взял с корабля перья, чернила и бумагу. Я экономил их до последней возможности и, пока у меня были чернила, аккуратно записывал все, что случалось со мной; но когда они вышли, мне пришлось прекратить мои записи, так как я не умел делать чернила и не мог придумать, чем их заменить.

Это напомнило мне, что, несмотря на огромный склад всевозможных вещей, мне, кроме чернил, недоставало еще очень многого: у меня не было ни лопаты, ни заступы, ни кирки, и мне нечем было копать или взрыхлять землю, не было ни иголок, ни булавок, ни ниток. Не было у меня и белья, но я скоро научился обходиться без него, не испытывая больших лишений.

Из-за недостатка инструментов всякая работа шла у меня медленно и трудно. Чуть не целый год понадобился мне, чтоб довести до конца ограду, которой я вздумал обнести свое жилище. Нарубить в лесу толстых жердей, вытесать из них колья, перетащить эти колья к моей палатке – на все это нужно было много времени. Колья были так тяжелы, что я не мог поднять более одной штуки сразу, а иногда у меня уходило два дня только на то, чтобы обтесать кол и принести его домой, а третий день – на то, чтобы вбить его в землю. Для этой послед-

ней работы я пользовался сначала тяжелой деревянной дубиной, а потом вспомнил о железных ломах, привезенных мною с корабля, и заменил дубину ломом, но тем не менее вбивание кольев осталось для меня одной из самых утомительных и кропотливых работ.

Но что из того, если мне все равно некуда было девать время? А по окончании постройки я не предвидел для себя другого дела, кроме как скитаться по острову в поисках пищи, чем я и без того занимался почти каждый день.

Настало время, когда я принялся серьезно и обстоятельно обдумывать свое положение и вынужденные обстоятельства моей жизни и начал записывать свои мысли – не для того, чтобы увековечить их в назидание людям, которым придется претерпевать то же, что и мне (ибо едва ли нашлось бы много таких людей), а просто чтобы высказать словами все, что меня терзало и мучило, и тем хоть сколько-нибудь облегчить свою душу. Но как ни тягостны были мои размышления, рассудок мой начинал мало-помалу брать верх над отчаянием. По мере сил я старался утешить себя тем, что могло бы случиться и нечто худшее, и противопоставлял злу добро. С полным беспристрастием я, словно должник и кредитор, записывал все претерпеваемые мной горести, а рядом – все, что случилось со мной отрадного.

ЗЛО

Я заброшен судьбой на мрачный, необитаемый остров и не имею никакой надежды на избавление.

Я как бы выделен и отрезан от всего мира и обречен на горе.

Я отдален от всего человечества; я отшельник, изгнанный из общества людей.

У меня мало одежды, и скоро мне будет нечем прикрыть свое тело.

Я беззащитен против нападения людей и зверей.

Мне не с кем перемолвиться словом, и некому утешить меня.

ДОБРО

Но я жив, я не утонул, подобно всем моим товарищам.

Но зато я выделен из всего нашего экипажа, смерть пощадила меня, и Тот, кто столь чудесным образом спас меня от смерти, вызовет и из этого безотрадного положения.

Но я не умер с голоду и не погиб, попав в совершенно бесплодное место, где человеку нечем пропитаться.

Но я живу в жарком климате, где я не носил бы одежду, даже если бы она у меня была.

Но остров, куда я попал, безлюден, и я не видел на нем ни одного хищного зверя, как на берегах Африки. Что было бы со мной, если б меня выбросило туда?

Но Бог сотворил чудо, пригнав наш корабль так близко к берегу, что я не только успел запастись всем необходимым для удовлетворения моих потребностей, но и получил возможность добывать себе пропитание до конца моих дней.

Запись эта непреложно свидетельствует о том, что едва ли кто на свете попадал в более бедственное положение, и тем не менее оно содержало в себе как отрицательные, так и положительные стороны, за которые следовало быть благодарным: горький опыт человека, изведавшего худшее несчастье на земле, показывает, что у нас всегда найдется какое-нибудь утешение, которое в счете наших бед и благ следует записать в графу прихода.

Итак, вняв голосу рассудка, я начинал мириться со своим положением. Прежде я поминутно смотрел на море в надежде, не покажется ли где-нибудь корабль; теперь я уже покончил с напрасными надеждами и все свои помыслы направил на то, чтобы по возможности облегчить свое существование.

Я уже описал свое жилище. Это была палатка, разбитая на склоне горы и обнесенная частоколом. Но теперь мою ограду можно было назвать скорее стеной, потому что вплотную к ней, с наружной ее стороны, я возвел земляную насыпь фута в два толщины. А спустя еще некоторое время (насколько помню, года через полтора) я поставил на насыпь жерди, прислонив их к откосу, а сверху сделал настил из разных ветвей. Таким образом, мой дворик оказался под крышей, и я мог не бояться дождей, которые, как я уже говорил, в известное время года лили на моем острове непрерывно.

Я уже упоминал, что все свое добро принес в ограду и в пещеру, которую я выкопал за палаткой. Но должен заметить, что первое время вещи были свалены в кучу, перемешаны как попало и загромождали все пространство, так что мне негде было повернуться. По этой причине я решил углубить мою пещеру. Сделать это было нетрудно, так как гора была рыхлой, песчаной породы, которая легко поддавалась моим усилиям. Итак, когда я увидел, что мне не угрожает опасность от хищных зверей, я принялся копать вбок, с правой стороны пещеры, а потом повернул еще правее и вывел ход наружу, за пределы моего укрепления.

Эта галерея служила не только черным ходом к моей палатке, дававшим мне возможность свободно уходить и возвращаться, но также значительно увеличивала мою кладовую.

Покончив с этой работой, я принялся за изготовление самых необходимых предметов обстановки, прежде всего стола и стула: без них я не мог вполне наслаждаться даже теми скромными удовольствиями, какие были мне отпущены на земле: я не мог ни есть, ни писать с полным удобством.

И вот я принялся столярничать. Тут я должен заметить, что разум есть основа и источник математики, а потому, определяя и измеряя разумом вещи и составляя о них толковое суждение, каждый может через известное время овладеть любым ремеслом. Ни разу в жизни до тех пор я не брал в руки столярного инструмента, и тем не менее благодаря трудолюбию и прилежанию я мало-помалу так наловчился, что, несомненно, мог бы сделать что угодно, в особенности если бы у меня были инструменты. Но даже и без инструментов или почти без инструментов, с одним только топором да рубанком я смастерил множество предметов, хотя, вероятно, никто еще не делал их таким способом и не затрачивал на это столько труда. Так, например, когда мне нужна была доска, я должен был срубить дерево, очистить ствол от ветвей и, поставив его перед собой, обтесывать с обеих сторон до тех пор, пока он не приобретал необходимую форму. А потом доску надо было еще выстругать рубанком. Правда, при таком методе из целого дерева выходила только одна доска, и выделка этой доски отнимала у меня

массу времени и труда. Но против этого у меня было лишь одно средство – терпение. К тому же мое время и мой труд стоили недорого, и не все ли было равно, куда и на что они шли?

Итак, я прежде всего сделал себе стол и стул. Я употребил на них короткие доски, которые привез на плоту с корабля. Когда же затем я натесал длинных досок вышеописанным способом, то приладил в моем погребе, по одной его стене, несколько полок одну над другой фута по полтора шириною и сложил на них свои инструменты, гвозди, железо и прочий мелкий скарб – словом, распределил все по местам, чтобы легко находить каждую вещь. Я вбил также колышки в стенку погреба и развесил на них ружья и все, что можно было повесить.

Кто увидал бы после этого мою пещеру, тот, наверно, принял бы ее за склад предметов первой необходимости. Все было у меня под руками, и мне доставляло истинное удовольствие заглядывать в этот склад: такой образцовый порядок царил там и столько там было всякого добра.

Только по окончании этой работы я начал вести свой дневник и записывал туда все сделанное мной в течение дня. Первое время я был охвачен такой торопливостью и так удручен, что мое мрачное настроение неизбежно отразилось бы в моем дневнике. Вот, например, какую запись пришлось бы мне сделать 30 сентября: «Когда я выбрался на берег и таким образом спасся от смерти, меня стошнило соленой водой, которой я наглотался. Мало-помалу я пришел в себя, но вместо того чтобы возблагодарить Создателя за мое спасение, принялся в отчаянии бегать по берегу. Я ломал руки, бил себя по голове и по лицу и кричал в исступлении: «Я погиб, погиб!» – пока не свалился на землю, выбившись из сил. Но я не смыкал глаз, боясь, чтобы меня не растерзали дикие звери».

В течение еще многих дней после этого (уже после всех моих экспедиций на корабль, когда все вещи с него были перевезены) я то и дело взбегал на пригорок и смотрел на море в надежде увидеть на горизонте корабль. Сколько раз мне казалось, будто вдали белеет парус, и я предавался радостным надеждам! Я смотрел, смотрел, пока у меня не туманилось в глазах, потом впадал в отчаяние, бросался на землю и плакал, как дитя, только усугубляя свое несчастье собственной глупостью.

Но когда наконец я до известной степени совладал с собой, когда я устроил свое жилье, привел в порядок домашний скarb, сделал себе стол и стул и обставил себя какими мог удобствами, то принялся за дневник. Привожу его здесь полностью, хотя описанные в нем события во многом уже известны читателю. Я вел его, пока у меня были чернила, когда же они вышли, дневник поневоле пришлось прекратить.

ДНЕВНИК

30 сентября 1659 года. Я, несчастный Робинзон Крузо, потерпев кораблекрушение во время страшной бури, был выброшен на берег этого угрюмого, злополучного острова, который я называл *островом Отчаяния*. Все мои спутники с нашего корабля потонули, и сам я был полумертв.

Весь остаток дня я провел в слезах и жалобах на свою злосчастную судьбу. У меня не было ни пищи, ни крова, ни одежды, ни оружия; мне негде было укрыться; отчаявшись получить откуда-нибудь избавление, я видел впереди только смерть. Мне казалось, что меня или растерзают хищные звери, или убьют дикари, или я умру с голоду, не найдя никакой еды. С приближением ночи я взобрался на дерево из боязни хищных зверей. Однако я отлично выспался, несмотря на то что всю ночь шел дождь.

1 октября. Проснувшись поутру, я увидел, к великому моему изумлению, что наш корабль сняло с мели приливом и пригнало гораздо ближе к берегу. С одной стороны, это было весьма утешительно (корабль был цел, не опрокинулся, так что у меня появилась надежда добраться до него, когда ветер утихнет, и запастись едой и другими необходимыми вещами); но, с другой стороны, еще сильнее стала и моя скорбь по погибшим товарищам. Останься мы на корабле, мы могли бы спасти его или по крайней мере сами остались бы в живых. Тогда мы могли бы построить лодку из обломков корабля, и нам удалось бы добраться до какой-нибудь населенной земли. Эти мысли не давали мне покоя весь день. Тем не менее, как только начался отлив, я отправился на корабль; подойдя к нему поближе по обнажившемуся морскому дну, я пустился потом вплавь. Весь этот день дождь не прекращался, но ветер совершенно утих.

С 1 по 24 октября. Все эти дни я был занят перевозкой с корабля всего, что можно было снять оттуда. С началом прилива я на плотках переправлял свой груз на берег. Все это время шли дожди с небольшими промежутками ясной погоды: вероятно, здесь сейчас дождливое время года.

20 октября. Мой плот опрокинулся, и весь груз затонул; но так как это случилось на мелком месте, а вещи были тяжелые, то с наступлением отлива мне удалось спасти большую их часть.

25 октября. Всю ночь и весь день шел дождь и дул порывистый ветер. Корабль за ночь разнесло в щепки; на том месте, где он стоял, торчат какие-то жалкие обломки, да и те видны только во время отлива. Весь этот день я укрывал и защищал спасенное мною добро, чтобы его не испортил дождь.

26 октября. Почти весь день бродил по берегу, отыскивая удобное место для жилья. Больше всего заботился о том, чтобы обезопасить себя от ночных нападений диких зверей и людей. К вечеру нашел наконец подходящее место на крутом склоне холма. Обведя полукругом по земле нужную мне площадь, я решил укрепить ее оградой, состоящей из двух рядов кольев, обложенных снаружи дерном; промежуток между рядами кольев я собирался заполнить корабельными канатами.

С 26 по 30 октября. Усиленно работал: перетаскивал свое имущество в новое жилище, несмотря на то что почти все время лил сильный дождь.

31 октября. Утром ходил по острову с ружьем в расчете подстрелить какую-нибудь дичь и осмотреть местность. Убил козу, ее козленок побежал за мной и проводил меня до самого дома, но мне пришлось убить и его, так как он еще не умел есть.

1 ноября. Разбил под самой скалой палатку, постаравшись сделать ее как можно более обширной, повесил на кольях койку и впервые переночевал в ней.

2 ноября. Собрал все ящики и доски, а также куски бревен от плотов и соорудил из них баррикаду вокруг палатки на площадке, отведенной для моего укрепления.

3 ноября. Ходил с ружьем. Убил двух птиц, похожих на уток. Их мясо оказалось очень вкусным. После обеда начал делать стол.

4 ноября. Распределил свое время, назначив определенные часы для физических работ, для охоты, для сна и для развлечений. Вот порядок моего дня: сутра, если нет дождя, часа два-три хожу по острову с ружьем, затем до одиннадцати работаю, а в одиннадцать завтракаю чем придется, с двенадцати до двух ложусь спать (так как это самая жаркая пора дня), затем к вечеру опять принимаюсь за работу. Все рабочие часы в последние два дня трудился над изготовлением стола. Я был тогда еще весьма неумелым столяром. Но время и нужда вскоре сделали из меня мастера на все руки. Так было бы, конечно, и со всяким другим на моем месте.

5 ноября. Сегодня ходил с ружьем и с собакой. Убил дикую кошку; шкурка довольно мягкая, но мясо никуда не годится. Я сдирал шкуру с каждого убитого мною животного и прятал в свой склад. Возвращаясь домой берегом моря, видел много морских птиц неизвестных мне пород. Видел еще двух или трех тюленей. В первый момент я даже испугался, не распознав, что это за животные. Но, когда я к ним присматривался, они нырнули в воду и таким образом ускользнули от меня на этот раз.

6 ноября. После утренней прогулки работал над столом и закончил его, хотя и недоволен своей работой. Вскоре, однако, я так наловчился, что мог его исправить.

7 ноября. Устанавливается ясная погода. Все дни – 7, 8, 9, 10 и частью 12 ноября (11-го было воскресенье) – я делал стул. Мне стоило большого труда придать ему сносную форму. Несколько раз я разбирал его на части и сызнова принимался за работу. И все-таки недоволен результатом.

Примечание. Я скоро перестал соблюдать воскресные дни, ибо, перестав отмечать их на моем столбе, я сбился в счете.

13 ноября. Сегодня шел дождь; он очень освежил меня и охладил землю, но все время гремел страшный гром и сверкала молния, так что я перепугался за свой порох. Когда гроза прекратилась, я решил мой запас пороха разделить на мелкие части, чтоб он не взорвался весь разом.

14, 15 и 16 ноября. Все эти дни делал ящички для пороха, чтобы в каждый ящичек вошло от одного до двух фунтов. Сегодня разложил весь порох по ящичкам и запрятал их в расселины скалы как можно дальше один от другого. Вчера убил большую птицу. Мясо ее очень вкусно. Как она называется – не знаю.

17 ноября. Сегодня начал копать углубление в скале за палаткой, чтобы поудобнее разложить свое имущество.

Примечание. Для этой работы крайне необходимы три вещи: кирка, лопата и тачка или корзина, а у меня их нет. Пришлось отказаться от работы. Долго думал, чем бы заменить эти инструменты или как их сделать. Вместо кирки попробовал работать железным ломом; он годится, только слишком тяжел. Затем остается лопата (или заступ). Без нее никак не обойтись, но я решительно не придумаю, как ее сделать.

18 ноября. Отыскивая в лесу материал для своих построек, нашел то дерево (или похожее на него), которое в Бразилии называют железным за его необыкновенную твердость. С большим трудом и сильно попортив свой топор, отрубил от него кусок и притащил домой: он оказался невероятно тяжелым. Я решил сделать из него лопату. Дерево было так твердо, что эта работа отняла у меня много времени, но другого выхода у меня не было. Мало-помалу придал обрубку форму лопаты, причем рукоятка вышла не хуже, чем делают у нас в Англии, но широкая часть, не будучи обита железом, прослужила мне недолго. Впрочем, я достаточно воспользовался ею для земляных работ, и она очень мне пригодилась, но, я думаю, ни одна лопата на свете не изготовлялась таким способом и так долго.

Мне недоставало еще тачки или корзины. О корзине нечего было и мечтать, так как у меня не было гибких прутьев, по крайней мере мне не удалось до сих пор найти их. Что же касается тачки, то мне казалось, что я сумею сделать ее. Затруднение было только в колесе: я не имел никакого представления о том, как делаются колеса; кроме того, для оси нужен был железный стержень, которого у меня тоже не было. Пришлось оставить это. Чтоб выносить вырытую землю, я сделал нечто вроде корытца, в каких каменщики держат известку.

Корытце было легче сделать, чем лопату; тем не менее все вместе – корытце, заступ и бесплодные попытки смастерить тачку – отняло у меня по меньшей мере четыре дня, не считая утренних экскурсий с ружьем. Редкий день я не выходил на охоту, и почти не было случая, чтобы я не принес себе что-нибудь на обед.

23 ноября. Пока я изготовлял эти орудия, вся остальная моя работа стояла. Закончив их, я опять принялся рыть пещеру. Копал весь день, насколько позволяли время и силы, и у меня ушло на эту работу целых восемнадцать дней. Мне нужно было, чтобы в моем погребке могло удобно разместиться все мое имущество.

Примечание. Все это время я трудился над расширением помещения, то есть пещеры, чтобы оно могло служить мне складом, кухней, столовой и погребом; помещался же я по-прежнему в палатке, кроме тех дней в дождливое время года, когда палатку пробивало дождем. Впрочем, впоследствии я устроил над своим двориком нечто вроде соломенной крыши: от ограды до откоса горы я проложил жерди, которые прикрыл водорослями и крупными листьями.

10 декабря. Я думал, что покончил со своей пещерой, или погребом, как вдруг (должно быть, я сделал ее слишком широкой) сверху с одного боку обвалилась земля. Обвал был так велик, что я испугался, и не без основания: находись я там в эту минуту, мне, уж наверное, не понадобилось бы могильщика. Этот прискорбный случай причинил мне много хлопот и задал новую работу: нужно было удалить обвалившуюся землю, а главное, пришлось подпирать свод, иначе я не мог быть уверен, что обвал не повторится.

11 декабря. С сегодняшнего дня принялся за эту работу. Покамест поставил в виде опоры два столба; на верху каждого из них укрепил крест-накрест по две доски. Эту работу

я окончил на следующий день. Поставив еще несколько таких же столбов с досками, я через неделю окончательно укрепил свод. Столбы стоят в ряд и служат в моем погребе перегородкой.

17 декабря. С этого дня по 20-е число прилаживал в погребе полки, вбивал гвозди в столбы и развешивал все, что можно повесить. Теперь у меня будет хоть какой-то порядок.

20 декабря. Перенес все вещи и разложил по местам. Прибил несколько маленьких полочек для провизии: вышло нечто вроде буфета. Досок остается очень мало, и я сделал себе еще один стол.

24 декабря. Проливной дождь всю ночь и весь день; не выходил из дому.

25 декабря. Дождь льет непрерывно.

26 декабря. Дождь перестал. Стало гораздо прохладнее; очень приятная погода.

27 декабря. Подстрелил двух козлят; одного убил, а другого ранил в ногу, так что он не мог убежать; я поймал его и привел домой на веревке. Дома осмотрел ему ногу; она была перебита, и я забинтовал ее.

Примечание. Я выходил этого козленка: сломанная нога срослась, и он отлично бегал. Я так долго ухаживал за ним, что он стал ручным и не хотел уходить. Он пасся у меня на лужке перед палаткой. Тогда-то мне в первый раз пришлось в голову завести домашний скот, чтобы обеспечить себе пропитание к тому времени, когда у меня выйдут заряды и порох.

28, 29, 30 и 31 декабря. Сильная жара при полном безветрии. Выходил из дому только по вечерам на охоту. Посвятил эти дни окончательно приведению в порядок своего хозяйства.

1 января. Жара не спадает; тем не менее сегодня ходил на охоту два раза: рано утром и вечером. В полдень отдыхал. Вечером прошел по долине подальше, в глубь острова, и видел очень много коз; но они крайне пугливы и не подпускают к себе близко. Хочу попробовать охотиться на них с собакой.

2 января. Сегодня взял с собой собаку и натравил на коз; но опыт не удался: все стадо повернулось навстречу собаке, и она, очевидно, отлично поняла опасность, потому что ни за что не хотела подойти к ним.

3 января. Начал строить ограду или, вернее, вал. Все еще опасаясь неожиданных нападений, я решил сделать ее как можно прочнее и толще.

Примечание. Моя ограда уже описана на предыдущих страницах, и потому я опускаю все, что говорится о ней в моем дневнике. Довольно будет заметить, что я провозился над ней (считая с начала работы до полного ее завершения) с *3 января по 14 апреля*, хотя вся ее длина не превышала двадцати четырех ярдов. Я уже говорил, что ограда моя шла полукругом, концы которого упирались в гору. От середины ее до горы было около восьми ярдов, и как раз посередине я устроил вход в пещеру. Все это время я работал не покладая рук. Случалось, что дожди прерывали мою работу на несколько дней и даже недель, но мне казалось, что до окончания вала нельзя чувствовать себя в полной безопасности. Трудно представить себе, сколько труда я положил на эту работу, особенно тяжело достались мне переноска из лесу бревен и вбивание их в землю, так как я делал гораздо более толстые колья, чем было нужно.

Когда ограда была окончена и укреплена с наружной стороны земляной насыпью, я успокоился. Мне казалось, что если бы на острове появились люди, они не заметили бы ничего похожего на человеческое жилье. Во всяком случае, я хорошо сделал, замаскировав свое жилище, как то покажет один примечательный случай, о котором будет рассказано ниже.

В это время я продолжал ежедневные обходы леса в поисках дичи, разумеется, когда позволяла погода, и во время этих прогулок сделал много полезных открытий. Так, например, я высмотрел особую породу диких голубей, которые выют гнезда не на деревьях, как наши дикие голуби, а в расселинах скал. Как-то раз я вынул из гнезда птенцов, с тем чтобы выкормить их дома и приручить. Мне удалось их вырастить, но, как только у них отросли крылья, они улетели, быть может, оттого, что у меня не было для них подходящего корма. Как бы то ни было, я часто находил их гнезда и брал птенцов, которые были для меня лакомым блюдом.

Когда я начал обзаводиться хозяйством, я увидел, что мне недостает многих необходимых вещей. Сделать их самому я вначале считал невозможным, да и действительно кое-что (например бочки) так и не смог никогда сделать. У меня были, как уже говорил, два или три бочонка с корабля, но, как я ни бился, мне не удалось смастерить ни одного, хотя я потратил на эту работу несколько недель. Я не мог ни вставить днища, ни сколотить дощечки настолько плотно, чтобы они не пропускали воды; так и пришлось отказаться от этой затеи.

Затем мне очень доставало свечей. Как только начинало темнеть – смеркалось обычно около семи часов, – мне приходилось ложиться спать. Я часто вспоминал про тоткусок воска, из которого делал свечи во время моих приключений у берегов Африки, но воска у меня не было. Единственным выходом было воспользоваться жиром коз, которых я убивал на охоте. Я устроил себе светильник из козьего жиру: плоску собственноручно вылепил из глины, а потом обжег на солнце, на фитиль же взял пеньку от старой веревки. Светильник горел хуже, чем свеча, свет его был неровный и тусклый. В разгар этих работ, шаря однажды в своих вещах, я нашел небольшой мешок с зерном для птицы, которую корабль вез не в этот свой рейс, а раньше, должно быть, когда он шел из Лиссабона. Я уже упоминал, что остатки этого зерна в мешке были изъедены крысами (по крайней мере, когда я заглянул в мешок, мне показалось, что там одна труха); а так как мешок мне был нужен для чего-то другого (кажется, под порох: это было как раз в то время, когда я решил разделить его на небольшие части, испугавшись грозы), то я вытряхнул его на землю под скалой.

Это было незадолго до начала проливных дождей, о которых я уже говорил. Я давно забыл про это, не помнил даже, что я вытряхнул мешок. Но вот прошло около месяца, и я увидел несколько зеленых стебельков, только что вышедших из-под земли. Сначала я думал, что это какое-нибудь неизвестное мне растение. Но каково же было мое изумление, когда спустя еще несколько недель зеленые стебельки (их было всего штук десять-двенадцать) выпустили колосья, оказавшиеся колосьями отличного ячменя, того самого, который растет на материке Европы и у нас в Англии!

Невозможно передать, в какое смятение повергло меня это открытие! До тех пор мною никогда не руководили религиозные помыслы. Религиозных понятий у меня было очень немного, и все события моей жизни – крупные и мелкие – я приписывал простому случаю или, как все мы говорим легкомысленно, воле Божьей. Я никогда не задавался вопросом, какие цели преследует Провидение, как Бог управляет ходом событий в этом мире. Но когда я увидел этот ячмень, выросший, как я знал, в несвойственном ему климате, а главное, неизвестно как попавший сюда, я был потрясен до глубины души и стал верить, что это Бог чудесным образом произрастил его без семян только для того, чтобы прокормить меня на этом диком, безотрадном острове.

Мысль эта немного растрогала меня и вызвала слезы; я был счастлив сознанием, что такое чудо совершилось ради меня. Но удивление мое этим не кончилось: вскоре я заметил, что рядом, на той же полянке, между стеблями ячменя показались редкие стебельки растения, оказавшиеся стебельками риса; я их легко распознал, так как во время пребывания в Африке часто видел рис на полях.

Я не только подумал, что этот рис и этот ячмень посланы мне самим Провидением, но не сомневался, что он растет здесь еще где-нибудь. Я обошел всю эту часть острова, где уже бывал раньше, обшарил все уголки, заглядывал под каждую кочку, но нигде не нашел ни риса, ни ячменя. Тогда наконец я вспомнил про мешок с птичьим кормом, который я вытряхнул на землю подле своего жилища. Чудо исчезло, а вместе с открытием, что все это произошло самым естественным путем, я должен сознаться, значительно поостыла и моя горячая благодарность к Провидению. А между тем то, что случилось со мной, было почти так же непредвиденно, как чудо, и, уж во всяком случае, заслуживало не меньше признательности. В самом деле: не перст ли Провидения виден был в том, что из многих тысяч ячменных зерен, попорченных крысами, десять или двенадцать зернышек уцелели и, стало быть, все равно что упали мне с неба? И надо же было мне вытряхнуть мешок на этой лужайке, куда падала тень от скалы и где семена могли сразу же взойти! Ведь стоило мне бросить их немного подальше, и они были бы сожжены солнцем.

Читатель может себе представить, как тщательно собрал я колосья, когда они созрели (это было в конце июня). Я подобрал каждое зернышко и решил снова посеять весь урожай в

надежде накопить со временем столько зерна, чтобы его хватило мне на пропитание. Но только на четвертый год я мог позволить себе уделить весьма скромную часть этого зерна на еду, о чем я расскажу своевременно. Дело в том, что у меня пропал весь сбор от первого посева; я плохо рассчитал время, посеял перед самой засухой, и семена не взошли в том количестве, как должны были бы взойти. Но об этом после.

Кроме ячменя, у меня, как уже сказано, выросли двадцать или тридцать стеблей риса, который я собрал так же старательно и для этой же цели – чтобы готовить из него хлеб или, вернее, еду, так как я открыл способ обходиться без печки. Но это было уже потом. Возвращаясь к моему дневнику.

Все те четыре или три с половиною месяца, когда я был занят возведением ограды, я работал не покладая рук. *14 апреля* ограда была кончена, и я решил, что буду входить и выходить через стену по приставной лестнице, чтобы снаружи не было никаких признаков жилья.

16 апреля. Кончил лестницу; перелезаю через стену и каждый раз убираю лестницу за собой. Теперь я огорожен со всех сторон. В моей крепости довольно простора, и проникнуть в нее нельзя иначе, как через стену.

Но на другой же день, после того как я окончил свою ограду, весь мой труд чуть не пропал даром, да и сам я едва не погиб. Вот что произошло. Я чем-то был занят в ограде, за палаткой, у входа в пещеру, как вдруг надо мной посыпалась земля со свода пещеры и с вершины горы, и два передних столба, поставленных мною, рухнули со страшным треском. Я очень испугался, но не догадался о настоящей причине случившегося, а просто подумал, что свод обвалился, как это было раньше. Боясь, чтобы меня не засыпало новым обвалом, я побежал к лестнице и, не считая себя в безопасности, перелез через стену. Но не успел сойти на землю, как мне стало ясно, что на этот раз причиной обвала в пещере было страшное землетрясение. Земля подо мной колебалась, и в течение каких-нибудь восьми минут было три таких сильных толчка, что от них рассыпалось бы самое прочное здание, если бы оно стояло здесь. Я видел, как у скалы, находившейся у моря в полумиле от меня, отвалилась вершина и рухнула с таким грохотом, какого я в жизни своей не слышал. Море тоже яростно забушевало; мне даже казалось, что в море подземные толчки были сильнее, чем на острове.

Никогда еще мне не приходилось ни видеть такого, ни даже слышать о чем-либо подобном, и я был так ошеломлен, что все во мне словно окаменело. От колебаний почвы со мной сделалась морская болезнь, как от качки: мне казалось, что я умираю; однако грохот падающего утеса вывел меня из оцепенения и вверг в ужас. Я думал только о том, что гора обрушится на мою палатку и погребет под собой все мое хозяйство, и от этой мысли я обмер второй раз.

Когда после третьего толчка наступило затишье, я начал приходить в себя, однако у меня не хватило мужества перелезть через ограду, ибо я боялся быть похороненным заживо, и сидел на земле в полном унынии, не зная, как быть. И за все это время у меня не мелькнуло ни одной серьезной мысли о Боге, ничего, кроме обычных слов: «Господи, помилуй меня». Но как только опасность миновала, забылись и они.

Между тем собрались тучи; потемнело, как перед дождем. Задул ветер, сначала слабо, потом все сильнее, и через полчаса разразился страшнейший ураган. Море запенилось, забурило и с ревом билось о берега; деревья вырывало с корнями; картина была ужасная. Так продолжалось часа три; потом буря стала стихать, и еще часа через два наступил мертвый штиль и полил дождь.

Все время, покуда свирепствовал ураган, я сидел на земле, подавленный страхом и отчаянием, но вдруг мне пришло в голову, что этот ливень и ветер, должно быть, последствия землетрясения; стало быть, оно кончилось и я могу рискнуть вернуться в мое жилище. Эта мысль придавала мне решимости, а может быть, тому способствовал и дождь, но я перелез через ограду и уселся в палатке; однако ливень был настолько силен, что палатку захлестывало водой, и я был вынужден перейти в пещеру, хотя и боялся, как бы она не обвалилась мне на голову.

Этот ливень задал мне новую работу: пришлось проделать в ограде отверстие для стока воды, иначе затопило бы мою пещеру. Просидев там некоторое время и видя, что подземные толчки больше не повторяются, я стал успокаиваться. Для поддержания бодрости, что было мне крайне необходимо, я подошел к своему «буфету» и отхлебнул маленький глоток рома. Я всегда расходовал ром весьма экономно, зная, что, когда выйдет весь мой запас, мне неоткуда будет его пополнить.

Дождь лил всю эту ночь и почти весь следующий день, и я не выходил наружу. Немного успокоившись, я начал обдумывать, что делать дальше. Я пришел к заключению, что, коль скоро этот остров подвержен землетрясениям, мне нельзя жить в пещере. Следовало построить шалаш где-нибудь на открытом месте, а чтобы обезопасить себя от нападения животных и людей, огородить его стеной, как я это сделал здесь. Ибо если я останусь в пещере, то рано или поздно буду похоронен заживо.

В самом деле, моя палатка стояла на опасном месте – под выступом горы, которая в случае нового землетрясения легко могла обрушиться на нее. Поэтому я решил перекочевать на другое место вместе с палаткой. Два следующих дня – *19 и 20 апреля* – я провел, ломая себе голову, где и как построить новое жилище.

От страха, что меня может засыпать заживо, я не мог спать по ночам; ночевать на открытом месте за оградой я тоже не решался. А вместе с тем, когда я оглядывал свое жилье и видел, как я уютно устроился, в каком порядке у меня хозяйство и как хорошо я укрыт от всякой опасности извне, я с крайней неохотой думал о переселении.

Затем у меня явилась мысль, что на переселение понадобится очень много времени и что, стало быть, все равно придется мириться с опасностью обвала, пока я не укреплю новое место так, чтобы можно было перебраться туда. Придя к такому выводу, я успокоился, но все-таки решился приняться, не теряя времени, за возведение ограды на новом месте с помощью частокола и канатов, но в форме окружности, и, как только она будет готова, перенести в нее свою палатку; до того же времени оставаться там, где я был, и готовиться к переезду. Это было *21 апреля*.

22 апреля. На следующее утро я начал думать о том, как мне осуществить свое решение. Главная трудность для меня была в инструментах. У меня имелось три больших топора и множество маленьких (мы их взяли для меновой торговли с индейцами); но от частого употребления и оттого, что приходилось рубить чрезвычайно твердые, суковатые деревья, все они зазубрились и затупились. Правда, у меня было точило, но я не мог одновременно приводить в движение рукой камень и точить на нем. Вероятно, ни один государственный муж, ломая голову над важным политическим вопросом, и ни один судья, решая жить или умереть человеку, не тратил столько умственной энергии, сколько потратил я, чтобы выйти из этого положения. В конце концов мне удалось приладить к точилу колесо с ремнем, которое приводилось в движение ногой и вращало точильный камень, оставляя свободными обе руки.

Примечание. До тех пор я никогда не видел таких точил или, во всяком случае, не рассматривал, как они устроены, хотя в Англии точило такого устройства очень распространено. Кроме того, мой точильный камень был очень велик и тяжел. Устройство этого приспособления заняло у меня целую неделю.

28 и 29 апреля. Два последних дня точил инструменты: мое приспособление действует очень хорошо.

30 апреля. Сегодня заметил, что мой запас сухарей на исходе. Пересчитал все мешки и, как это ни грустно, постановил съедать не более одного сухаря в день.

1 мая. Сегодня утром во время отлива заметил издали на берегу какой-то крупный предмет, похожий на бочку. Пошел посмотреть, и оказалось, что это небольшой бочонок. Тут же валялось два-три деревянных обломка от корабля. Должно быть, все это было выброшено на берег в последнюю бурю. Я взглянул в ту сторону, где торчал остов корабля, и мне показалось,

что он выступает над водой больше обыкновенного. Осмотрел выброшенный морем бочонок; он оказался с порохом, но порох весь подмок и сбился в камень. Тем не менее я выкатил бочонок повыше, а сам по отмели отправился к остову корабля.

Подойдя поближе, я заметил, что он как-то странно переместился. Носовая часть, которую прежде он почти зарывался в песок, приподнялась по крайней мере на шесть футов, а корма, разбитая на куски и совершенно отделившаяся (это случилось давно, вскоре после последней моей экспедиции на корабль), была отброшена в сторону и лежала боком. Кроме того, в этом месте образовался такой высокий нанос песку, что я мог вплотную подойти к кораблю, тогда как раньше еще за четверть мили до него начиналась вода и я должен был плыть вплавь. Такая перемена в положении корабля сначала меня удивила, но вскоре я сообразил, что это объясняется землетрясением. От этого же корабль разломался еще более, так что к берегу ежедневно прибывало ветром и течением разные предметы, которые уносило водой из открытого трюма.

Происшествие с кораблем совершенно отвлекло мои мысли от намерения переселиться на новое место. Весь день я делал попытки проникнуть во внутренние помещения корабля, но это оказалось невозможным, так как все они были забиты песком. Однако это меня не смутило; я уже научился ни в чем не отчаиваться. Я стал растаскивать корабль по кусочкам, зная, что мне в моем положении так или иначе все пригодится.

3 мая. Сегодня начал работать пилой. Перепилил в корме бимс, на котором, по моим соображениям, держалась часть шканцев, и, отодрав несколько досок, выгреб песок с того бока кормы, которым она лежит кверху. Принужден был отложить работу, потому что начался прилив.

4 мая. Удил рыбу, но ни одной съедобной не поймал. Соскучившись, хотел было уже уходить, но, закинув удочку в последний раз, поймал маленького дельфина. Удочка у меня была самодельная: лесу я сделал из пеньки от старой веревки, а крючков у меня совсем не было. Тем не менее на мою удочку ловилось столько рыбы, что я мог есть ее вволю. Ел я ее вяленую, просушивая на солнце.

5 мая. Работал на корабле. Распилил другой бимс. Отодрал от палубы три большие сосновые доски, связал их вместе и, дождавшись прилива, переправил на берег.

6 мая. Работал на корабле. Отделил кое-какие железные части, в том числе несколько болтов. Работал изо всех сил, вернулся домой совсем измученный. Подумываю, не бросить ли это.

7 мая. Опять ходил к кораблю, но не с тем, чтобы работать. Так как бимсы были перепилены, палуба окончательно расселась от собственной тяжести, и я мог заглянуть в трюм; но он почти доверху наполнен песком и водой.

8 мая. Ходил на корабль с железным ломом: решил разворотить всю палубу, которая теперь совсем очистилась от песка. Отодрал две доски и пригнал их к берегу с приливом. Лом оставил на корабле для завтрашней работы.

9 мая. Был на корабле. Взломал еще несколько досок и пробрался в трюм. Нашупал там пять или шесть бочек. Высвободил их ломом, но вскрыть не мог. Нашупал даже сверток английского листового свинца и приподнял немного, но вытащить не хватило силы.

С 10 по 14 мая. Все эти дни бывал на корабле. Добыл много кусков дерева, досок, брусьев и т. п., а также два-три центнера железа.

15 мая. Сегодня брал с собой на корабль два маленьких топора: хотел попробовать отрубить кусок листового свинца (один топор должен был служить мне ножом, а другой – молотком для него). Но так как свинец лежит фута на полтора под водой, то я не мог ударить с надлежащей силой.

16 мая. Ночью поднялся сильный ветер. Остов корабля еще больше расшатало волнами. Я долго искал в лесу голубей на обед, замешкался и уж не мог попасть на корабль из-за прилива.

17 мая. Сегодня видел несколько обломков корабля, прибитых к берегу милях в двух от моего жилья. Я решил взглянуть, что это такое; оказалось: кусок от носовой части, но такой большой и тяжелый, что я не мог его поднять.

24 мая. Все эти дни работал на корабле. С величайшим трудом так сильно расшатал ломом несколько предметов, что с первым же приливом всплыли наверх несколько бочек и два матросских сундука. Но ветер дул с берега, так что их угнало в море. Зато сегодня прибило к берегу несколько обломков и большую бочку с остатками бразильской свинины, которая, впрочем, была совсем попорчена соленой водой и песком.

Я продолжал эту работу с *25 мая по 15 июня* ежедневно, кроме тех часов, когда приходилось добывать пропитание. Но с тех пор, как возобновились мои работы, я охочусь только во время прилива, чтобы к началу отлива уже ничто не мешало мне идти к кораблю. За эти три недели набрал такую кучу дерева и железа, что их хватило бы на хорошую лодку, если бы я сумел ее сделать. Кроме того, мне удалось все же нарезать в несколько приемов до центнера листового свинца.

16 июня. Нашел на берегу большую черепаху. Раньше я никогда их здесь не видел, что объясняется просто случайностью, так как черепахи на моем острове были совсем не редкость, и, если бы я попал на другую сторону острова, я мог бы ловить их сотнями каждый день. Впоследствии я убедился в этом, хотя и дорого заплатил за свое открытие.

17 июня. Весь день жарил черепаху на углях. Нашел в ней штук шестьдесят яиц. Никогда в жизни я, кажется, не едал такого вкусного мяса, да и неудивительно: с тех пор как я оказался на этом ужасном острове, мою мясную пищу составляли исключительно козы да птицы.

18 июня. С утра до вечера шел дождь, и я не выходил. Должно быть, я простудился, и весь день меня знобит, хотя, насколько мне известно, в здешних широтах холодов не бывает.

19 июня. Мне очень нездоровится: так зябну, точно на дворе зима.

20 июня. Всю ночь не сомкнул глаз: сильная головная боль и озноб.

21 июня. Совсем плохо. Смертельно боюсь занемочь всерьез: каково будет тогда мое положение без всякой помощи! Молился Богу – в первый раз с того дня, когда мы попали в бурю под Гуллем, – но слова молитвы повторял бессознательно, так путаются мысли в голове.

22 июня. Сегодня мне лучше, но страх болезни не покидает меня.

23 июня. Опять нехорошо: весь день знобило и сильно болела голова.

24 июня. Гораздо лучше.

25 июня. Был сильный приступ лихорадки; в течение часов семи меня бросало то в холод, то в жар. Закончился приступ легкой испариной.

26 июня. Лучше. У меня вышел весь запас мяса, и я ходил на охоту, хотя чувствовал страшную слабость. Убил козу, через силу дотащил ее до дому, изжарил кусочек на углях и поел. Мне очень хотелось сварить из нее супу, но у меня нет горшка.

27 июня. Опять лихорадка, настолько сильная, что я весь день пролежал в постели, не ел и не пил. Я умирал от жажды, но не в силах был встать и сходить за водой. Опять молился Богу, но в голове такая тяжесть, что я не мог припомнить ни одной молитвы и только твердил: «Господи, сжался надо мной! Воззри на меня, Господи! Помилуй меня, Господи!» Так я метался часа два или три, покуда приступ не прошел, и я уснул и не просыпался до поздней ночи. Проснувшись, почувствовал себя гораздо бодрее, хотя был все-таки очень слаб. Меня мучила жажда, но так как ни в палатке, ни в погребке не было ни капли воды, то пришлось лежать до утра. Подутро снова уснул и видел страшный сон.

Мне снилось, будто я сижу на земле за оградой, на том самом месте, где сидел после землетрясения, когда разразился ураган, и вдруг вижу, что сверху, с большого черного облака, весь объятый пламенем, спускается человек. От него самого исходил столь яркий свет, что на него едва можно было смотреть. Нет слов передать, как страшно было его лицо.

Когда ноги его коснулись земли, мне показалось, что почва задрожала, как раньше от землетрясения, и весь воздух, к ужасу моему, озарился словно несметными вспышками молний. Едва ступив на землю, незнакомец двинулся ко мне с длинным копьём в руке, как бы с намерением убить меня. Немного не дойдя до меня, он поднялся на пригорок, и я услышал голос, неизъяснимо грозный и страшный. Из всего, что говорил незнакомец, я понял только одно: «Несмотря на все ниспосланные тебе испытания, ты не раскаялся: так умри же!» И я видел, как после этих слов он поднял копьё, чтобы убить меня.

Конечно, все, кому случится читать эти записки, поймут, что я не способен описать, как потрясена была душа моя этим ужасным сном даже в то время, как я спал. Также невозможно описать произведенное им на меня впечатление, когда я уже проснулся и понял, что это был только сон.

Увы! Моя душа не знала Бога: благие наставления моего отца изгладились из памяти за восемь лет непрерывных скитаний по морям в постоянном общении с такими же, как сам я, нечестивцами, до последней степени равнодушными к вере. Не помню, чтобы за все это время моя мысль хоть раз воспарила к Богу или чтобы хоть раз я оглянулся на себя, задумался над своим поведением. Я находился в некоем нравственном оупении: стремление к добру и сознание зла были мне равно чужды. По своей закоснелости, легкомыслию и нечестию я ничем не отличался от самого невежественного из наших матросов. Я не имел ни малейшего понятия ни о страхе Божиим в опасности, ни о чувстве благодарности к Творцу за избавление от нее.

Тем, кто уже прослушал эту часть моего рассказа, нетрудно поверить, что у меня и в мыслях не было приписать все те разнообразные несчастья, которые до сего дня обрушились на меня, карающей руке Божьей или полагать, что это было справедливое возмездие за мой грех, то есть за то, что я пошел наперекор советам отца, или за мои нынешние великие преступления, или что это вообще было наказанием за всю мою порочную жизнь. Когда я пустился в отчаянное плавание вдоль пустынных берегов Африки, я и не думал о том, что станет со мною, я не просил Бога направить мой путь или защитить меня от опасностей, которые грозили мне отовсюду, равно как от хищных зверей, так и от свирепых туземцев. Нет, я даже и не думал о Боге и Провидении, я действовал, как неразумное животное, руководясь природным инстинктом, внимая лишь повелениям здравого смысла, хотя, пожалуй, вряд ли это можно назвать здравым смыслом.

Когда я был спасен и взят на борт корабля португальским капитаном, который отнесся ко мне очень хорошо, поступил со мной по чести и справедливости и оказался для меня благодетелем, – и тогда чувство благодарности ни на миг не заговорило во мне. Когда, наконец, я был выброшен после кораблекрушения на этот остров, чуть не погибнув в волнах, я тоже не испытал никаких угрызений совести и не счел это справедливым возмездием. Я только повторял себе все время, что я неудачник и что мне на роду написаны лишь бедствия и муки.

Правда, когда я впервые ступил на берег этого острова, когда понял, что весь экипаж корабля утонул и один только я был пощажен, на меня нашло что-то вроде экстаза, восторга души, который с помощью Божьей благодати мог бы перейти в подлинное чувство благодарности. Но восторг этот разрешился, если можно так выразиться, простой животной радостью существа, спасшегося от смерти; он не повлек за собой ни размышлений об исключительной благодати руки, отличившей меня и даровавшей мне спасение, когда все другие погибли, ни вопроса о том, почему Провидение было столь милостиво именно ко мне. Радость моя была той обычной радостью, которую испытывает каждый моряк, выбравшись невредимым на берег после кораблекрушения, и которую он топит в первой же чарке вина, а вслед за тем забывает... И так-то я жил все время до сих пор.

Даже потом, когда, по должном раздумье, я осознал свое положение – то, что я выброшен на этот ужасный остров, мое полное одиночество без всякой возможности общаться с людьми, без проблеска надежды на избавление, – даже и тогда, как только открылась возмож-

ность остаться в живых, не умереть с голоду, все мое горе как рукой сняло: я успокоился, начал работать для удовлетворения своих насущных потребностей и для сохранения своей жизни, и если сокрушался о своей участи, то менее всего видел в ней возмездие свыше, карающую десницу Божию. Такие мысли очень редко приходили мне в голову.

Прорастание зерна, как уже было отмечено в моем дневнике, оказало было на меня благодетельное влияние, и до тех пор, пока я приписывал его чуду, серьезные, благоговейные мысли не покидали меня; но как только мысль о чуде отпала, улетучилось, как я уже говорил, и мое благоговейное настроение.

Даже землетрясение – хотя в природе нетяжелее более грозного, более непосредственно указывающего на невидимую высшую силу, ибо только ею одной могут совершаться такие явления, – даже землетрясение не оказало на меня могущественного влияния: прошли первые минуты испуга, изгладились и первое впечатление. Я не чувствовал ни Бога, ни Божьего суда над собой; я так же мало усматривал карающую десницу в постигших меня бедствиях, как если бы я был счастливейшим человеком на свете.

Но теперь, когда я захворал и на досуге картина смерти представилась мне очень живо, – теперь, когда дух мой стал изнемогать под бременем недуга, а тело ослабело от жестокой лихорадки, совесть, так долго спавшая во мне, пробудилась. Я стал горько упрекать себя за прошлое; я понял, что своим беспримерно греховным поведением навлек на себя Божий гнев и что беспримерные удары судьбы были лишь справедливым мне возмездием.

Особенно сильно терзали меня мысли на второй и на третий день моей болезни, и в жару лихорадки, под гнетом жестоких угрызений, из уст моих вырывались слова, похожие на молитву, хотя молитвой их нельзя было назвать. В них не выражалось ни надежд, ни желаний; то был скорее вопль слепого страха и отчаяния. Мысли были спутаны, самообличение – беспощадно; страх смерти в моем жалком положении туманил мой ум и леденил душу; и я, в смятении своем, сам не знал, что говорит мой язык. То были скорее бессвязные восклицания в таком роде: «Господи, что я за несчастное существо! Если я расхвораюсь, то, конечно, умру, потому что кто же мне поможет! Боже, что станет со мной?» Из глаз моих полились обильные слезы, и долго потом я не мог вымолвить ни слова.

Тут припомнились мне благие советы моего отца и пророческие слова его, которые я приводил в начале своего рассказа, а именно, что, если я не откажусь от своей безумной затеи, на мне не будет благословения Божия; придет пора, когда я пожалею, что пренебрег его советом, но тогда, может статься, некому будет помочь мне исправить содеянное зло. Я вспомнил эти слова и громко сказал: «Вот когда сбывается пророчество моего дорогого батюшки! Кара Господня постигла меня, и некому помочь мне, некому услышать меня!.. Я не внял голосу Провидения, милостиво поставившего меня в такие условия, что я мог быть счастлив всю мою жизнь. Но я не захотел понять это сам и не внял наставлениям своих родителей. Я оставил их оплакивать мое безрассудство, а теперь сам плачу от последствий его. Я отверг их помощь и поддержку, которая вывела бы меня на дорогу и облегчила бы мне первые шаги; теперь же мне приходится бороться с трудностями, превышающими человеческие силы, – бороться одному, без поддержки, без слова утешения и совета!» И я воскликнул: «Господи, будь мне защитой, ибо велика печаль моя!» Это была моя первая молитва, если только я могу назвать ее так, за много, много лет.

Но возвращаясь к дневнику.

28 июня. Наутро, немного освеженный сном, я встал; моя лихорадка совершенно прошла; и хотя страх и ужас, в которые повергло меня сновидение, были велики, все же я рассудил, что на другой день приступ может повториться, и потому решил заранее припасти все необходимое, чтобы облегчить свое положение на случай, если повторится болезнь. Первым делом я наполнил водой большую четырехугольную бутылку и поставил ее на стол на таком расстоянии от постели, чтобы до нее можно было достать не вставая; а чтобы обезвредить воду, лишив

ее свойств, вызывающих простуду или лихорадку, я влил в нее около четверти пинты рому и взболтал. Затем я отрезал козлятины и изжарил ее на углях, но съел самый маленький кусочек – больше не мог. Пошел было прогуляться, но от слабости еле передвигал ноги; к тому же меня очень угнетало сознание моего бедственного положения и страх возврата болезни на другой день. Вечером поужинал черепашими яйцами: я испек их в золе, что называется «в мешочек»; насколько могу припомнить, это была первая трапеза в моей жизни, освященная молитвою.

После еды снова пытался пройтись, но был так слаб, что с трудом мог нести ружье (я никогда не выхожу без ружья). Прошел недалеко, сел на землю и стал смотреть на расстилавшееся передо мной гладкое и спокойное море. И пока я сидел, вот какие мысли пронеслись у меня в голове: «Что такое эта земля и море, которые мне так знакомы? Откуда они произошли? Что такое я сам и все другие земные создания, дикие и ручные, люди и звери? Откуда мы произошли? Очевидно, все мы были сотворены какой-то таинственной силой, которая создала землю и море, воздух и небо. Но что это за сила?»

На это следовал вполне естественный ответ: это Бог, который сотворил все. Но тогда, как ни странно, получалось следующее: если Бог сотворил все это, то он и держит в своей деснице нашу судьбу, ибо если у Провидения хватило сил сотворить все сущее, то оно, несомненно, может и управлять своим созданием.

А если так, то ничто не может произойти в жизни Божьих творений без его ведома и соизволения.

А если ничто не происходит без его ведома, он знает, что я здесь и терплю бедствия; и если ничто не происходит без его соизволения, значит, по его воле выпали мне на долю все эти несчастья.

Ничто не противоречило этому моему рассуждению; и таким образом я с неопровержимой ясностью понял, что постигшее меня несчастье послано мне по воле Божьей, ибо он один властен не только над моей судьбой, но и над судьбами всего мира. И непосредственно за этим выводом явился вопрос: за что же Бог меня так покарал? Что я сделал? Чем провинился?

Но при этом вопросе я ощутил острый укол совести, как если бы язык мой произнес богохульство, и точно чей-то посторонний голос сказал мне: «Презренный! И ты еще спрашиваешь, что ты сделал? Оглянись назад, на свою беспутную жизнь, и спроси лучше, чего ты не сделал? Спроси, почему могло случиться, что ты давно не погиб, почему ты не утонул на Ярмутском рейде? Не был убит в стычке с салескими маврами, когда ваш корабль был ими взят на abordаж? Почему тебя не растерзали хищные звери на африканском берегу? Почему, наконец, не утонул ты здесь вместе со всем экипажем? И ты еще спрашиваешь, что ты сделал?»

Я был поражен этими мыслями и не находил ни одного слова в опровержение их, ничего не мог ответить себе. Задумчивый и грустный, поднялся я и побрел в свое убежище. Я перелез через ограду и хотел было лечь в постель, но горестное смятение, охватившее мою душу, разогнало мой сон. Я зажег светильник, так как уже начинало смеркаться, и опустился на стул у стола. Страх перед тем, что болезнь может вернуться, весь день не покидал меня, и вдруг я вспомнил, что жители Бразилии от всех почти болезней лечатся табаком; между тем в одном из моих сундуков лежало несколько пачек: одна большая пачка готового табаку, а остальные листового.

Я встал и пошел за табаком в свою кладовую. Несомненно, моими действиями руководило Провидение, ибо, открыв сундук, я нашел в нем лекарство не только для тела, но и для души: во-первых – табак, который искал, во-вторых – Библию. Оказалось, что я сложил в этот сундук все книги, взятые мною с корабля, в том числе Библию, в которую до тех пор я не удосужился или, вернее, не чувствовал желания заглянуть. Теперь я взял ее с собой, принес вместе с табаком в палатку и положил на стол.

Я не знал, как применяется табак против болезней, не знал даже, помогает ли он от лихорадки; поэтому я произвел несколько опытов в надежде, что так или иначе действие его должно проявиться. Прежде всего я отделил из пачки один лист, положил его в рот и разжевал. Табак был еще зеленый, очень крепкий; вдобавок я к нему не привык, так что сначала он почти одурманил меня. Затем я положил немного табаку в ром и настаивал его час или два с тем, чтобы выпить эту настойку перед сном. Наконец, я сжег немного табаку в жаровне и втягивал носом дым до тех пор, пока не начинал задыхаться; я повторил эту операцию несколько раз.

В промежутках пробовал читать Библию, но у меня так кружилась голова от табака, что я должен был скоро отказаться от чтения, по крайней мере на этот раз. Помню, однако, что, когда я раскрыл Библию наудачу, мне бросились в глаза следующие слова: «Призови Меня в день печали, и Я избавлю тебя, и ты прославишь имя Мое».

Эти слова как нельзя более подходили к моему положению. Они произвели на меня впечатление, хотя и не такое глубокое, как потом, причем слово «избавление» не встретило отклика в моей душе. Мое освобождение было так далеко и так невозможно даже в воображении, что я заговорил языком сынов Израиля, когда они, узнав об обещании Бога дать им мясную пищу, спрашивали: «Разве может Бог поставить трапезу среди пустыни?» Подобно этим неверующим, я спрашивал Господа: «Разве может Бог освободить меня отсюда?» Это сомнение потом сильно укрепилось во мне, так как прошли многие годы, прежде чем блеснул луч

надежды на мое освобождение. Тем не менее приведенные слова глубоко запечатлелись в моем сердце, и я часто останавливался на них в раздумье.

Настала ночь, от табака голова моя отяжелела, и мне захотелось спать. Я не погасил свечки на случай, если мне что-нибудь понадобится ночью, и улегся в постель. Но прежде чем лечь, я сделал то, чего не делал никогда в жизни: опустил на колени и стал молиться Богу, чтобы Он исполнил обещание и освободил меня, если я призову Его в день печали. Кончив свою нескладную молитву, я выпил табачную настойку и лег. Настойка оказалась такой крепкой и противной на вкус, что я еле ее проглотил. Она сразу бросилась мне в голову, и я крепко уснул. Когда я проснулся на другой день, было, судя по солнцу, около трех часов пополудни; мне сильно сдается, что я проспал тогда не одну, а две ночи, и проснулся только на третий день; по крайней мере ничем другим я не могу объяснить, каким образом из моего счета выпал один день, как это обнаружилось спустя несколько лет: в самом деле, если бы я сбился в счете оттого, что пересек несколько раз меридиан, то потерял бы больше одного дня; между тем я потерял только один день, и мне никогда не удалось выяснить, как это произошло.

Но как бы то ни было, этот сон удивительно меня освежил: я встал бодрый и в веселом настроении духа. У меня заметно прибавилось сил, желудок, очевидно, поправился, ибо я чувствовал голод. Лихорадка в тот день не повторилась, и вообще с тех пор я начал быстро выздоравливать. Это было 29 июня.

30-е число было, вероятно, счастливым для меня днем. Выходил с ружьем, но старался не слишком удаляться от дома. Убил несколько морских птиц, похожих на казарок. Принес их домой, но не решился съесть, ограничив свой обед черепашими яйцами, которые были очень вкусны. Вечером повторил прием лекарства, которое так помогло мне накануне (я говорю о табачной настойке на роме). Только в этот раз я выпил его не так много, табачных листьев не жевал и не вдыхал табачного дыма. Однако на другой день, 1 июля, чувствовал себя, вопреки ожиданиям, не так хорошо: меня опять знобило, хотя и не сильно.

2 июля. Снова принял табак всеми тремя способами, как в первый раз, удвоив количество выпитой настойки.

3 июля. Окончательно освободился от приступов лихорадки, однако полностью силы мои восстановились лишь по прошествии нескольких недель. В то время, когда я выздоравливал, я много думал об этих словах: «Я избавлю тебя», и мысль о несбыточности моего избавления так глубоко укоренилась в моем уме, что уничтожила в нем всякую надежду. Но когда я упал духом от этих размышлений, мне вдруг пришло на ум, что, сосредоточившись полностью на мыслях об избавлении от главного моего несчастья, я не оценил избавления от беды, которое уже получил. И я вновь спросил сам себя: разве не избавлен ты был от хворости, да еще самым чудесным образом? Не избавлен от страшной беды, которой ты смертельно боялся? И какой урок извлек ты из этого? Исполнил ли ты свою часть договора? Бог избавил тебя, ты же не славил имя Его, то есть не испытываешь благодарности за сотворенное Им, а еще рассчитываешь на избавление от главного несчастья!

Эти мысли глубоко запали мне в душу, и я тотчас же встал на колени и возблагодарил Бога за избавление от болезни.

4 июля. Утром я взял Библию, раскрыл ее на Новом Завете и начал читать очень прилежно, положив себе за правило читать ее каждое утро и каждый вечер, не связывая себя определенным числом глав, а до тех пор, пока не утомится внимание. Вскоре я почувствовал, что гораздо глубже и искреннее раскаиваюсь в греховности своей прошлой жизни. Впечатление, произведенное на меня сном, возвратилось, и теперь я много размышлял над словами: «Несмотря на все ниспосланные тебе испытания, ты не раскаялся». Однажды, как раз после того, как я горячо молил Бога дать мне раскаяние, я вдруг, читая Священное Писание, напал на слова: «Сего Бог возвеличил, поставив Царем и Спасителем, дабы он давал покаяние и отпущение грехов». Я отложил книгу; сердце мое, как и руки, взмыло к небу в священном восторге,

и я громко воскликнул: «О Иисусе, сын Давидов! Иисусе, наш Царь и Спаситель, даруй мне раскаяние».

Можно сказать, впервые в жизни я по-настоящему молился – ведь теперь я осознал свои грехи и обращался к Богу с искренней надеждой, основанной на словах Священного Писания; и с тех пор, можно сказать, я стал уповать, что Бог услышит меня.

В приведенных выше словах: «Призови Меня в день печали, и Я избавлю тебя» – я видел теперь совсем иной смысл; прежде я понимал их как освобождение из заточения, в котором я находился, потому что, хоть на моем острове я находился на воле, он все же был настоящей тюрьмой, в худшем значении этого слова. Теперь же я научился толковать эти слова совсем иначе; теперь я оглядывался на прошлое с таким омерзением, так ужасался содеянному мною, что душа моя просила у Бога только избавления от бремени грехов, на ней тяготевшего и лишавшего ее покоя. Что значило в сравнении с этим мое одиночество? Об избавлении от него я больше не молился, я даже не думал о нем: таким пустяком стало оно мне казаться. Говорю это с целью показать моим читателям, что человеку, постигшему истину, избавление от греха приносит больше счастья, чем избавление от страданий.

Но я оставляю эти рассуждения и возвращаюсь к своему дневнику.

Теперь положение мое, оставаясь внешне таким же бедственным, стало казаться мне гораздо более сносным. Постоянное чтение Библии и молитва направляли мои мысли к вопросам возвышенным, и я познал много душевных радостей, которые дотоле были совершенно чужды мне. Кроме того, как только ко мне вернулись здоровье и силы, я стал энергично работать над восполнением того, чего мне еще не хватало, и старался сделать свою жизнь как можно более правильной.

С 4 по 14 июля я большею частью ходил с ружьем, но каждый раз лишь понемногу, как положено человеку, который не совсем еще окреп после болезни, ибо трудно себе представить, как я отощал тогда и ослаб. Мое лечение табаком, вероятно, никогда еще до сих пор не применялось против лихорадки; испытав на себе, я не решусь никому рекомендовать его. Правда, оно остановило лихорадку, но вместе с тем страшно ослабило меня, и в течение некоторого времени я страдал судорогами во всем теле и нервной дрожью.

Кроме того, болезнь научила меня, что здесь пагубнее всего для здоровья оставаться под открытым небом во время дождей, особенно если они сопровождаются грозами и ураганами, и что поэтому не так опасны дожди, которые льют в дождливый сезон, то есть в сентябре и октябре, как те, что перепадают случайно в сухую пору.

Прошло десять с лишним месяцев моего житья на злосчастном острове. Я был твердо убежден, что никогда до меня человеческая нога не ступала на эти пустынные берега, так что приходилось, по-видимому, отказаться от всякой надежды на избавление. Теперь, когда я был спокоен за безопасность моего жилья, я решил более основательно обследовать остров и посмотреть, нет ли на нем еще каких-нибудь животных и растений, неизвестных мне до сей поры.

Я начал это обследование *15 июля*. Прежде всего я направился к той бухточке, где я причаливал с моими плотами. Пройдя мили две вверх по течению, я убедился, что прилив не доходит дальше, и, начиная с этого места и выше, вода в ручье была чистая и прозрачная, но из-за сухого времени года ручей местами если не пересох, то, во всяком случае, еле струился.

По берегам его тянулись красивые саванны, или луга, ровные, гладкие, покрытые травой, а дальше – там, где низина постепенно переходила в возвышенность и куда, надо думать, не достигала вода, – я обнаружил обилие зеленого табака с высокими и толстыми стеблями. Там были и другие растения, каких я раньше никогда не видал; весьма возможно, что, зная их свойства, я мог бы извлечь из них пользу для себя.

Я искал кассавы, из корня которой индейцы тех широт делают муку, но не нашел. Я увидел также большие растения вроде алоэ и сахарный тростник. Но я не знал, можно ли как-

нибудь употреблять алоэ; что же касается сахарного тростника, то он рос в диком состоянии и потому вряд ли годился в пищу. На первый раз я удовольствовался этими открытиями и пошел домой, раздумывая по дороге о том, как бы мне научиться распознавать свойства и доброкачественность плодов и растений, которые я найду. Но мне не удалось ничего придумать. Во время пребывания в Бразилии я так мало обращал внимания на тамошнюю флору, что не знал даже самых обыкновенных полевых растений; во всяком случае, мои сведения почти негодились в теперешней моей бедственной жизни.

На другой день, 16-го, я отправился той же дорогой, но прошел немного дальше, туда, где кончались ручей и луга и начиналась более лесистая местность. В этой части острова я нашел разные плоды, в числе прочих – дыни (в большом изобилии) и виноград. Виноградные лозы вились по стволам деревьев, и их роскошные гроздья только что созрели. Это неожиданное открытие удивило меня и обрадовало, однако, наученный опытом, я поел винограда с большой осторожностью, вспомнив, что во время пребывания моего в Берберии там умерло от дизентерии и лихорадки несколько невольников-англичан, объевшихся виноградом. Но я придумал великолепное употребление для этого винограда, а именно – высушить его на солнце и сделать из него изюм; я справедливо заключил, что он будет служить мне вкусным и полезным лакомством в то время, когда виноград уже сойдет.

Я не вернулся домой в этот день; к слову сказать, это была первая моя ночь на острове, проведенная вне дома. Я взобрался на дерево и отлично выспался, а наутро продолжал свой обход. Судя по длине долины, я прошел еще мили четыре в прежнем направлении, то есть на север, сообразуясь с грядями холмов на севере и на юге.

В конце этого пути было открытое место, заметно понижавшееся к западу. Родничок же, пробивавшийся откуда-то сверху, тек в противоположном направлении, то есть на восток. Вся окрестность зеленела, цвела и благоухала, точно сад, насаженный руками человека, в котором все блистало красой весеннего наряда.

Я спустился в эту очаровательную долину и с тайным удовольствием, хотя и не свободным от примеси никогда не покидавшей меня грусти, подумал, что все это мое: я царь и хозяин этой земли; права мои на нее бесспорны, и, если б я мог перевести ее в обитаемую часть света, она стала бы таким же безусловным достоянием моего рода, как поместье английского лорда. Тут было множество кокосовых пальм, апельсинов, лимонов и цитронов, но все дикорастущие, и лишь на немногих из них были плоды, по крайней мере в то время. Тем не менее я нарвал зеленых лаймов, которые были не только приятны на вкус, но и очень мне полезны. Я пил потом воду с их соком, и она меня освежала и подкрепляла.

Мне предстояло теперь много работы со сбором плодов и переноской их домой, так как я решил запастись виноградом, лаймами и лимонами на приближавшееся дождливое время года.

С этой целью я набрал винограда и сложил его в большую кучу в одном месте и в кучу поменьше – в другом. Так же поступил я с лаймами и лимонами, сложив их в третью кучу. Затем, взяв с собой немного тех и других плодов, отправился домой, с тем чтобы захватить мешок и унести домой остальное.

Я вернулся домой (так я буду теперь называть мою палатку и пещеру) после трехдневного отсутствия; к концу этого путешествия мой виноград совершенно испортился. Сочные, тяжелые ягоды раздавили друг друга и оказались совершенно негодными. Лаймы хорошо сохранились, но я принес их очень немного.

На следующий день, 79-го, я снова пустился в путь с двумя небольшими мешками, в которых собирался принести домой собранные плоды. Но как же я был поражен, когда увидел, что мои роскошные спелые гроздья разбросаны по земле и сочные ягоды частью объедены, частью растоптаны. Значит, здесь хозяйничали какие-то животные, но какие именно – я не знал.

Итак, убедившись, что складывать виноград в кучи и затем перетаскивать его в мешках невозможно, ибо мой сбор окажется частью уничтоженным, частью попорченным, я придумал другой способ. Нарвав порядочное количество винограда, я развесил его на деревьях так, чтобы он мог сохнуть на солнце. Что же касается лаймов и лимонов, то я унес их с собой, сколько был в силах поднять.

Вернувшись домой, я с удовольствием обращался мыслью к открытой мной плодоносной долине. Представляя себе ее живописное местоположение, я думал о том, как хорошо она защищена от ветров, какое в ней обилие воды и леса, и пришел к заключению, что выбрал для жилья одно из худших мест на острове. Естественно, я стал подумывать о переселении. Нужно было лишь подыскать в этой цветущей, плодоносной долине такое же безопасное местечко, как мое теперешнее жилище.

Эта мысль крепко засела у меня в голове, и некоторое время я тешился ею, прельщенный красотой долины. Но, поразмыслив и приняв в расчет, что теперь я живу в виду моря и, следовательно, имею хоть маленькую надежду на благоприятную для меня перемену, я решил отказаться от этого намерения. Тот самый злой рок, который занес меня на остров, мог забросить сюда и других несчастных. Конечно, такая случайность была маловероятна, но запереться среди холмов и лесов, в глубине острова, вдали от моря, значило заточить себя навеки и сделать освобождение для себя не только маловероятным, но и просто невозможным.

Однако я был так пленен этой долиной, что провел там почти весь конец июля, и хотя, по зрелом размышлении, решил не переносить своего жилья на новое место, но поставил там себе шалаш, огородил его наглухо двойным плетнем выше человеческого роста, на крепких столбах, а промежуток между плетнями заложил хворостом; входил же и выходил по приставленной лестнице, как и в старое жилье. Таким образом, я и здесь был в безопасности. Случалось, что я ночевал в своем шалаше по две, по три ночи подряд. Теперь у меня есть дом на берегу моря и дача в лесу, говорил я себе. Работы на ней заняли у меня все время до начала августа.

Я только что доделал ограду и начал наслаждаться плодами своих трудов, как полили дожди, и мне пришлось перебраться в мое старое гнездо. Правда, я и на новом месте поставил очень хорошую палатку, сделанную из паруса, но здесь у меня не было ни горы, которая защищала бы меня от ветров, ни пещеры, куда я мог бы укрыться, когда ливни становились чересчур сильными.

К началу августа, как сказано, я закончил постройку шалаша и начал наслаждаться плодами своих трудов. *3 августа* я заметил, что развешанные мною гроздья винограда совершенно высохли на солнце и превратились в превосходный изюм. С того же дня я начал снимать их с деревьев, и хорошо сделал, иначе их бы испортило дождем и я лишился бы большей части своих зимних запасов: у меня сушилось более двухсот больших кистей. Как только все было собрано и большей частью перенесено в пещеру, начались дожди и с *74 августа* до половины октября шли почти безостановочно изо дня в день. Иногда дождь лил так сильно, что я по нескольку дней не высывал носа из пещеры.

В этот период дождей я был удивлен неожиданным приращением моего семейства. Одна из моих кошек давно уже пропала; я не знал, сбежала ли она или околела, и очень о ней сокрушался, как вдруг в конце августа она вернулась стремя котятми. Это очень меня удивило, так как обе мои кошки были самки. Правда, я подстрелил одного из диких котов (как я их называл), но мне казалось, что эти зверьки совсем другой породы, чем наши европейские кошки, а между тем котята, которых привела с собой моя кошка, были как две капли воды похожи на свою мать. От этих трех котят у меня развелось такое несметное потомство, что я был вынужден истреблять кошек как вредных зверей и гнать их подальше от своего дома.

С *14 по 26 августа* дожди не прекращались, и я почти не выходил из дому, ибо теперь я очень боялся промокнуть. Между тем, пока я отсиживался в пещере, выжидая ясной погоды, мои запасы провизии стали истощаться, и два раза я даже рискнул выйти на охоту. В первый

раз убил козу, а во второй, 26-го (это был последний день моего заточения), поймал огромную черепаху, и это было для меня настоящее пиршество. В то время моя еда распределялась так: завтрак – кисть винограда, на обед – кусок козлятины или черепашьего мяса, жареного (на мое несчастье, мне не в чем было варить или тушить мясо и овощи), на ужин – два или три черепашьих яйца.

В течение тех дней, что я просидел в пещере, прячась от дождя, я ежедневно по два-три часа посвящал земляным работам, расширяя свою пещеру. Я прокапывал ее все дальше в одну сторону до тех пор, пока не вывел ход наружу, за ограду. Я устроил там дверь, через которую мог свободно выходить и входить, не прибегая к приставной лестнице. Зато я не был так спокоен, как прежде: прежде мое жилье было со всех сторон загорожено, теперь доступ ко мне был открыт. Впрочем, мне некого бояться на моем острове, где я не видал ни одного животного крупнее козы.

30 сентября. Итак, я дожил до печальной годовщины моего пребывания на острове: я сосчитал зарубки на столбе, и оказалось, что я живу здесь уже триста шестьдесят пять дней. Я посвятил этот день строгому посту и молитвам.

Весь год я не соблюдал воскресных дней. Вначале у меня не было никакого религиозного чувства, и мало-помалу я перестал отмечать воскресенья более длинной зарубкой на столбе; таким образом у меня спутался счет недель, и я не помнил хорошенько, когда какой день. Но, подсчитав, как сказано, число дней, проведенных мною на острове, и увидев, что я прожил на нем ровно год, я разделил этот год на недели, отметив каждый седьмой день как воскресенье. Впоследствии обнаружилось, однако, что я пропустил один или два дня.

Около этого времени мой запас чернил стал подходить к концу. Приходилось расходовать их экономнее: я прекратил ежедневные записи и стал отмечать лишь выдающиеся события моей жизни.

Я обратил внимание, что дождливое время года совершенно правильно чередуется с периодом бездождья, и, таким образом, мог заблаговременно подготовиться к дождям и засухе. Но свои знания я покупал дорогою ценою; то, о чем я сейчас расскажу, служит одной из самых печальных иллюстраций этого. Я уже упоминал выше, как был поражен неожиданным появлением возле моего дома нескольких колосьев риса и ячменя, которые, как мне казалось, выросли сами собой. Помнится, было около тридцати колосьев риса и колосьев двадцать ячменя. И вот после дождей, когда солнце перешло в южное полушарие, я решил, что наступило самое подходящее время для посева.

Я вскопал, как мог, небольшой клочок земли деревянной лопатой, разделил его пополам и засеял одну половину рисом, а другую – ячменем; во время посева мне пришло в голову, что лучше на первый раз не высевать всех семян, – я же не знаю наверно, когда нужно сеять. И я посеял около двух третей всего запаса зерна, оставив по горсточке каждого сорта про запас.

Большим было для меня счастьем, что я принял эту меру предосторожности, ибо из первого моего посева ни одно зерно не взошло; наступили сухие месяцы, с того дня, как я засеял поле, влаги совсем не было, и зерно не могло взойти. Впоследствии же, когда начались дожди, оно взошло, как будто я только что посеял его.

Видя, что мой первый посев не всходит, что я вполне естественно объяснил засухой, я стал искать другого места с более влажной почвой, чтобы произвести новый опыт. Я разрыхлил новый клочок земли около моего шалаша и посеял здесь остатки зерна. Это было в феврале, незадолго до весеннего равноденствия. Мартовские и апрельские дожди щедро напоили землю: семена взошли великолепно и дали обильный урожай. Но так как семян у меня осталось очень мало и я не решался засеять их все, то и сбор вышел невелик – не более половины пека каждого сорта зерна. Зато я был теперь опытным хозяином и точно знал, какая пора наиболее благоприятна для посева и что ежегодно я могу сеять дважды и, следовательно, получать два сбора.

Покуда рос мой хлеб, я сделал маленькое открытие, впоследствии оно очень мне пригодилось. Как только прекратились дожди и погода установилась – это было приблизительно в ноябре, – я отправился на свою лесную дачу, где нашел все в том же виде, как оставил, несмотря на то что не был там несколько месяцев. Двойной плетень, поставленный мной, был не только цел, но все его колья, на которые я брал росшие поблизости молодые деревца, пустили длинные побеги, совершенно так, как пускает их ива, если у нее срезать верхушку. Я не знал, что это за деревья, и был очень приятно изумлен, увидя, что моя ограда зазеленела. Я подстриг все деревца, постаравшись придать им по возможности одинаковую форму. Трудно описать, как красиво разрослись они за три года. Несмотря на то что отгороженное место имело до двадцати пяти ярдов в диаметре, деревья – так я могу их теперь называть – скоро покрыли его своими ветвями и давали густую тень, в которой можно было укрыться от солнца в период жары.

Это навело меня на мысль нарубить еще несколько таких же кольев и вбить их полукругом вдоль ограды моего старого жилья. Так я и сделал. Я втыкал их в два ряда, ярдов на восемь отступая от прежней ограды. Они принялись, и вскоре у меня образовалась живая изгородь; сначала она укрывала меня от зноя, а впоследствии послужила мне для защиты, о чем я расскажу в своем месте.

По моим наблюдениям, на моем острове времена года следует разделять не на холодные и теплые, как они делятся у нас в Европе, а на дождливые и сухие, приблизительно таким образом:

С половины февраля до половины апреля. Дожди: солнце стоит в зените или почти в зените.

С половины апреля до половины августа. Засуха: солнце перемещается к северу.

С половины августа до половины октября. Дожди: солнце снова стоит в зените.

С половины октября до половины февраля. Засуха: солнце перемещается к югу.

Таковы были мои наблюдения, хотя дождливое время года может быть длиннее или короче, в зависимости от направления ветра. Изведав на опыте, как вредно для здоровья пребывание под открытым небом во время дождя, я теперь всякий раз перед началом дождей заблаговременно запасался провизией, чтобы выходить пореже, и просиживал дома почти все дождливые месяцы.

Я пользовался этим временем для работ, которые можно было производить, не покидая жилища. В моем хозяйстве недоставало еще очень многих вещей, а чтобы сделать их, требовались упорный труд и неослабное прилежание. Я, например, много раз пытался сплести корзину, но все прутья, какие я мог достать, оказывались такими ломкими, что у меня ничего не выходило. В детстве я очень любил ходить к одному корзинщику, жившему по соседству от нас, и смотреть, как он работает. Теперь это мне очень пригодилось. Как все мальчишки, я был весьма наблюдателен и полон готовности помогать взрослым. Иной раз я помогал и корзинщику, так что теперь мне не хватало только материала, чтобы приступить к работе. Вдруг мне пришло в голову, не подойдут ли для корзины ветки тех деревьев, из которых я нарубил кольев и которые потом проросли; ведь у них должны быть упругие, гибкие ветки, как у нашей английской вербы, ивы или лозняка. И я решил попробовать.

На другой же день я отправился на свою дачу, какия называл мое жилье в долине, нарезал там несколько веточек, выбирая самые тонкие, и убедился, что они как нельзя лучше годятся для моей цели. В следующий раз я пришел с топором, чтобы сразу нарубить, сколько мне нужно. Мне не пришлось искать, так как деревья той породы росли здесь в изобилии. Нарубив прутьев, я сволок их за ограду и принялся сушить, а когда они подсохли, перенес их в пещеру.

В ближайший дождливый сезон я принялся за работу и наплел много корзин для носки земли, для укладки всяких вещей и для разных других надобностей. Правда, у меня они не отличались изяществом, но, во всяком случае, годились для моих целей. С тех пор я никогда не забывал пополнять свой запас корзин: по мере того как старые разваливались, я плел новые. Особенно я запасался прочными глубокими корзинами для хранения в них зерна, на тот случай, если у меня накопится большое его количество.

Разрешив эту задачу, на что у меня ушла уйма времени, я стал придумывать, как мне восполнить нехватку еще двух вещей. У меня не было посуды для хранения жидкости, если не считать двух бочонков, занятых ромом, да нескольких бутылок и бутылей, в которых я держал воду и спирт. У меня не было ни одного горшка, в котором можно было бы что-нибудь сварить. Правда, я захватил с корабля большой котел, но он был слишком велик, чтобы варить в нем суп и тушить мясо. Другая вещь, о которой я часто мечтал, была трубка, но я не умел сделать ее. Однако в конце концов я придумал, чем ее заменить.

Все лето, иначе говоря, все сухое время года, я был занят устройством живой изгороди вокруг своего старого жилья и плетением корзин. Но меня отвлекло новое дело, отнявшее у меня гораздо больше времени, чем я рассчитывал.

Выше я уже говорил, что мне давно хотелось обойти весь остров и что я несколько раз доходил до ручья и дальше, до того места долины, где я построил свой шалаш и откуда открывался вид на море по другую сторону острова. И вот я наконец решился пройти весь остров поперек и добраться до противоположного берега. Я взял ружье, топорик, больше, чем обычно, пороха, дрови и пуль, прихватил про запас два сухаря и большую кисть винограда и пустился в путь в сопровождении собаки. Пройдя то место долины, где стоял мой шалаш, я увидел впереди на западе море, а дальше виднелась полоса земли. Был яркий, солнечный день, и я хорошо различал землю, но не мог определить, материк это или остров. Эта земля представляла собою высокое плоскогорье, тянулась с запада на юго-запад и отстояла очень далеко (по моему расчету, миль на сорок или на шестьдесят) от моего острова.

Я не имел понятия, что это за земля, и мог сказать только одно – должно быть, это какая-нибудь часть Америки, лежащая, по всей вероятности, недалеко от испанских владений. Весьма возможно, что она населена дикарями и что, если б я попал туда вместо моего острова, мое положение было бы еще хуже. И как только у меня явилась эта мысль, я перестал терзаться бесплодными сожалениями, зачем меня выбросило именно сюда, и преклонился перед волей Провидения, которое, как я начинал теперь верить и сознавать, всегда и все устраивает к лучшему. Повторяю, я успокоил себя этой мыслью и перестал сокрушаться из-за невозможности попасть туда.

К тому же, подумав как следует, я сообразил, что если новооткрытая мною земля составляет часть испанских владений, то рано или поздно я непременно увижу какой-нибудь корабль, идущий туда или оттуда. Если же это не испанские владения, то, стало быть, это береговая полоса, лежащая между испанскими владениями и Бразилией, населенная исключительно дикарями, и притом самыми свирепыми – каннибалами, или людоедами, которые убивают и съедают всех, кто попадает им в руки.

Погрузившись в такие размышления, я не спеша подвигался вперед. Эта часть острова показалась мне гораздо привлекательнее той, в которой я поселился: везде, куда ни взглянешь, зеленые луга, пестреющие цветами, красивые рощи. Я заметил здесь множество попугаев, и мне захотелось поймать хоть одного, чтобы приручить его и научить разговаривать. После многих бесплодных попыток мне удалось изловить птенца, сбив его палкой; он быстро оправился, и я принес его домой. Но понадобилось несколько лет, прежде чем он заговорил; тем не менее я все-таки добился, что он стал называть меня по имени. С ним произошел один забавный случай, о котором будет рассказано в свое время.

Я остался как нельзя более доволен моим обходом. В низине, на лугах, мне попадались зайцы (или похожие на них животные) и много лисиц; но эти лисицы резко отличались от своих родичей, которых мне случалось видеть раньше. Мне не нравилось мясо этих животных, хотя я и подстрелил их несколько штук. Да, впрочем, в этом не было и надобности: в пище я не терпел недостатка; можно даже сказать, что я питался очень хорошо. Я всегда мог иметь любой из трех сортов мяса: козлятину, голубей или черепаху, а с прибавкой изюма получался совсем роскошный стол, какого, пожалуй, не поставляет и Лиденхоллский рынок. Таким образом, как ни плачевно было мое положение, все-таки у меня было за что благодарить Бога: я не только не терпел голода, но ел вдоволь и мог даже лакомиться.

Во время этого путешествия я делал не более двух миль в день, если считать по прямому направлению; но я так много кружил, осматривая местность в надежде, не встречу ли чего нового, что добирался до ночлега очень усталым. Спал я обыкновенно на дереве, а иногда, если находил подходящее место между деревьями, устраивал ограду из кольев, втыкая их от дерева до дерева, так что никакой хищник не мог подойти ко мне, не разбудив меня.

Дойдя до берега моря, я окончательно убедился, что выбрал для поселения самую худшую часть острова. На моей стороне я за полтора года поймал только трех черепах; здесь же весь берег был усеян ими. Кроме того, здесь было несметное множество птиц всевозможных пород, в числе прочих пингвины. Были такие, каких я не знал. Мясо многих из них оказалось очень вкусным.

Я мог, если бы хотел, настрелять пропасть птиц, но я берег порох и дробь и предпочел бы застрелить козу, если удастся, так как ее мясо лучше обеспечило бы меня пищей. Но хотя здесь обитало много коз – гораздо больше, чем в моей части острова, – к ним было очень трудно подобраться, потому что местность здесь была ровная и они замечали меня гораздо скорее, чем когда я был на холмах.

Бесспорно, тот берег был много привлекательнее моего, и тем не менее я не имел ни малейшего желания переселяться. Дело в том, что я привык к своему жилищу, здесь же чувствовал себя как бы на чужбине, и меня тянуло домой. Пройдя вдоль берега к востоку, должно быть, миль двенадцать или около того, я решил, что пора возвращаться. Я воткнул в землю высокую вежу, чтобы заметить место, так как решил, что в следующий раз я приду с другой стороны, то есть с востока от моего жилища, и, таким образом, dokonчу обозрение моего острова. Об этом я расскажу в надлежащем месте.

Я хотел вернуться домой новой дорогой, полагая, что я всегда могу окинуть взглядом весь остров и не сойбюсь с пути к моему жилищу. Однако я ошибся, ибо, отойдя от берега не больше двух-трех миль, я спустился в широкую котловину, которую со всех сторон тактесно обступали холмы, поросшие густым лесом, что не было никакой возможности осмотреться. Я мог бы держать путь по солнцу, так как я отлично знал его положение в это время дня.

Но, на мое горе, погода была пасмурная. Не видя солнца в течение трех или четырех дней, я плутал, тщетно отыскивая дорогу. В конце концов я принужден был выйти опять к берегу моря, на то место, где стояла моя вежа, и оттуда вернулся домой прежним путем. Шел я не спеша, часто отдыхая, так как стояли необычайно жаркие дни, а ружье, заряды и топор составляли довольно тяжелую поклажу.

Во время этого путешествия моя собака вспугнула козленка и бросилась на него, но я успел вовремя подбежать и спас его от собачьих клыков. Мне захотелось взять его с собой; я давно уже мечтал приручить пару козлят и развести стадо ручных коз, чтобы обеспечить себя мясом к тому времени, когда у меня выйдут все запасы пороха и дроби.

Я сделал козленку ошейник и с некоторым трудом повел его на веревке (веревку я свил из пеньки от старых канатов и всегда носил ее с собою). Добравшись до своего шалаша, я пересадил козленка за ограду и там оставил, ибо мне не терпелось добраться поскорее до дому, где я не был уже больше месяца.

Не могу выразить, с каким чувством удовлетворения я вернулся к своей старой хижине и растянулся на подвесной койке. Это путешествие и бесприютная жизнь так меня утомили, что мой «дом», как я его называл, показался мне вполне благоустроенным жилищем: здесь меня окружало столько удобств и было так уютно, что я решил никогда больше не уходить из него далеко, куда мне суждено будет оставаться на этом острове.

С неделю я отдыхал и отъедался после моих скитаний. Большую часть этого времени я был занят трудным делом: устраивал клетку для моего Попки; он становился совсем ручным и очень со мной подружился. Затем я вспомнил о своем бедном козленке, которого оставил в ограде, и решился сходить за ним. Я застал его там, где оставил, да он и не мог уйти; но он почти умирал с голоду. Я нарубил сучьев и веток, какие мне попались под руку, и перебросил ему за ограду. Когда он поел, я хотел было вести его на веревке, как раньше, но от голода он до того присмирел, что побежал за мной, как собака. Я всегда кормил его сам, и он сделался таким ласковым и ручным, что вошел в семью моих домашних животных и никогда не пытался сбежать от меня.

Опять настала дождливая пора осеннего равноденствия, и опять я торжественно отпраздновал 30 сентября – вторую годовщину моего пребывания на острове. Надежды на избавление

у меня было так же мало, как и в момент моего прибытия сюда. Весь день 30 сентября я провел в благочестивых размышлениях, смиренно и с благодарностью вспоминая многие милости, которые были ниспосланы мне в моем уединении и без которых мое положение было бы бесконечно печально. Смирненно и искренне благодарил я Бога, по милости своей открывшего мне, что и в моей одинокой жизни можно быть счастливее, чем наслаждаясь человеческим обществом и всеми благами мира: ведь отсутствие человеческого общества и все тяготы моего положения с избытком искупаются его Божественным присутствием; благодарил я Создателя и за его неизменную благодать ко мне, воодушевляющую меня уповать и на Господен Промысел здесь, на земле, и на его милосердие в вечном мире.

Теперь наконец я ясно ощущал, насколько моя теперешняя жизнь, со всеми ее страданиями и невзгодами, счастливее той позорной, исполненной греха, омерзительной жизни, какую я вел прежде. Все во мне изменилось: горе и радость я понимал теперь совершенно иначе; не те были у меня желания, страсти потеряли свою остроту; то, что в момент моего прибытия сюда и даже в течение этих двух лет доставляло мне наслаждение, теперь для меня не существовало.

Когда в первое время я выходил на охоту или для осмотра местности и перед моими глазами открывались леса, горы и пустыни, где я осужден был жить один, без помощи и надежды на освобождение, окруженный вечными заставами и затворами океана, тогда мною овладевала мучительная смертельная тоска и сердце обливалось кровью. Не раз, в самом покойном состоянии духа, мысль эта вихрем проносилась в моей несчастной голове, и тогда, в порыве отчаяния, я ломал руки и плакал, как дитя. Иногда, среди занятий, я вдруг останавливался и, под гнетом тех же тяжких дум, бросал работу, садился на землю и с неподвижным взором и глухими стонами оставался в таком положении час или два. Это немое отчаяние было невыносимо, потому что всегда легче излить горе словами или слезами, чем таить его в себе.

Но теперь я стал приучать себя к новым мыслям. Ежедневно читал я Священное Писание и применял к себе звучащие в нем слова утешения. Однажды утром в подавленном настроении я раскрыл Библию и прочел: «Я никогда тебя не оставлю и не покину тебя». Я сразу понял, что слова эти обращены ко мне – иначе зачем бы попались они мне на глаза именно в тот момент, когда я оплакивал свое положение – положение человека, забытого Богом и людьми? «А раз так, – сказал я себе, – раз Господь не покинет меня, то стоит ли горевать – пусть даже весь мир покинет меня? С другой стороны, если бы даже весь мир был у ног моих, но я лишился бы поддержки и благословения Господня – не очевидно ли, что вторая потеря была бы во сто крат страшнее?»

И тут я решил, что в этом заброшенном и пустынном месте я смогу быть счастливее, чем в каком-либо другом. И с этой мыслью я уж готов был возблагодарить Бога за то, что он привел меня сюда, но что-то – не знаю, что это было, – возмутилось во мне и не позволило произнести слова молитвы. «Как можешь ты так лицемерить, – произнес я прямо вслух, – притворяться благодарным за то положение, от которого, несмотря на все твои благие намерения быть им довольным, ты бы пламенно молил Бога избавить тебя?» Поэтому я и остановился. Но хотя я и не мог возблагодарить Бога за то, что оказался на острове, я искренне благодарил его за то, что глаза мои наконец открылись – пусть благодаря обрушившимся на меня несчастьям – на мою прошлую жизнь, что я способен оплакать мои старые грехи и раскаяться. И не было случая, чтобы я открывал Библию или закрывал ее, не возблагодарив Создателя, направлявшего руку моей старой лондонской приятельницы, когда она – без всякой просьбы с моей стороны – упаковала Библию вместе с товарами, и помогшего мне впоследствии спасти ее с затонувшего корабля.

Таково было состояние моего духа, когда начался третий год моего заточения. Я не хотел утомлять читателя мелочными подробностями, а потому второй год моей жизни на острове описан у меня не так обстоятельно, как первый. Все же нужно сказать, что я и в этот год редко оставался праздным. Я строго распределил свое время соответственно занятиям, которым я

предавался в течение дня. На первом плане стояли религиозные обязанности и чтение Священного Писания – им я неизменно отводил известное время три раза в день. Вторым из ежедневных моих дел была охота, занимавшая у меня часа по три каждое утро, когда не было дождя. Третьим делом была сортировка, сушка и приготовление убитой или пойманной дичи; на эту работу уходила большая часть дня. При этом следует принять в расчет, что, начиная с полудня, когда солнце подходило к зениту, наступал такой гнетущий зной, что не было возможности даже двигаться; затем оставалось еще не более четырех вечерних часов, которые я мог уделить работе. Случалось и так, что я менял часы охоты и домашних занятий: поутру работал, а перед вечером выходил на охоту.

У меня не только было мало времени, которое я мог посвящать работе, но она стоила мне также невероятных усилий и подвигалась очень медленно. Сколько часов терял я из-за отсутствия инструментов, помощников и недостатка сноровки! Так, например, я потратил сорок два дня только на то, чтобы сделать доску для длинной полки в моем погребе, между тем как два плотника, имея необходимые инструменты, выпиливают из одного дерева шесть таких досок в полдня.

Я действовал так: выбрал большое дерево, ибо мне была нужна широкая доска. Три дня я рубил это дерево и два дня обрубал с него ветки, чтобы получить бревно. Уж я не знаю, сколько времени я обтесывал его с обеих сторон, покуда тяжесть его не уменьшилась настолько, что его можно было сдвинуть с места. Тогда я обтесал одну сторону начисто по всей длине бревна, затем перевернул его этой стороной вниз и обтесал таким же образом другую. Работу я продолжал до тех пор, пока не получил ровной и гладкой доски толщиной около трех дюймов. Читатель может судить, какого труда стоила мне эта доска. Но упорство и труд помогли мне довести до конца как эту работу, так и много других. Я привел здесь подробности, чтобы объяснить, почему у меня уходило так много времени на сравнительно небольшую работу, то есть небольшую при условии, если у вас есть помощник и инструменты, но требующую огромного времени и усилий, если делать ее одному и чуть не голыми руками.

Несмотря на все это, я терпением и трудом довел до конца все работы, к которым был вынужден обстоятельствами, как видно будет из последующего.

В ноябре и декабре я ждал урожай ячменя и риса. Засеянный мной участок был невелик, ибо, как было сказано выше, у меня вследствие засухи пропал весь посев первого года и оставалось не более половины пека каждого сорта зерна. На этот раз урожай обещал быть превосходным, как вдруг я сделал открытие, что снова рискую потерять весь сбор, так как мое поле опустошается многочисленными врагами, от которых трудно уберечься. Эти враги были, во-первых, козы, во-вторых, те зверьки, которых я называл зайцами. Очевидно, стебельки риса и ячменя пришлись им по вкусу: они дневали и ночевали на моем поле и начисто уничтожали всходы, не давая им возможности выкинуть колос.

Против этого было лишь одно средство: огородить все поле, что я и сделал. Но эта работа стоила мне большого труда, главным образом потому, что надо было спешить. Впрочем, мое поле было таких скромных размеров, что через три недели изгородь была готова. Днем я отпугивал врагов выстрелами, а на ночь привязывал к изгороди собаку, которая лаяла всю ночь напролет. Благодаря этим мерам предосторожности прожорливые животные ушли от этого места; мой хлеб отлично выколосился и стал быстро созревать.

Но как прежде, пока хлеб был в зеленях, меня разоряли четвероногие, так начали разорять меня птицы теперь, когда он заколосился. Как-то раз, обходя свою пашню, я увидел, что над ней кружатся целые стаи пернатых, видимо карауливших, когда я уйду. Я сейчас же выпустил в них заряд дроби (я всегда носил с собой ружье), но не успел я выстрелить, как с самой пашни поднялась другая стая, которой я сначала не заметил.

Это не на шутку взволновало меня. Я предвидел, что еще несколько дней такого грабежа – и пропадут все мои надежды; я, значит, буду голодать, и мне никогда не удастся собрать

урожай. Я не мог придумать, чем помочь горю. Тем не менее я решил во что бы то ни стало отстоять свой хлеб, хотя бы мне пришлось караулить его день и ночь. Но сначала я обошел все поле, чтобы установить, много ли ущерба причинили мне птицы. Оказалось, что хлеб порядком попорчен, но так как зерно еще не совсем созрело, то потеря была бы невелика, если б удалось сберечь остальное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.